

№2
Февраль 2008

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

A close-up portrait of an elderly man with white hair, wearing glasses, a white shirt, and a red tie. He is smiling slightly and looking towards the camera. The background is dark and out of focus.

АКТЕРСКИЙ
ГЕНИЙ
РАМАЗА
ЧХИКВАДЗЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№2⁽²⁹⁾
Февраль 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЕ		4
ЛЕНТА ПАМЯТИ	НАС ВНОВЬ СОЕДИНИЛ	6
ЛЕНТА ПАМЯТИ	СКВОЗЬ ПОМЕХИ ВРЕМЕНИ	10
ПРЕМЬЕРА	«СНЫ О ГРУЗИИ – ВОТ РАДОСТЬ!»	13
ЮБИЛЕЙ	ПРОДОЛЖАТЬ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ	14
ПРИЗНАНИЕ	ЛИЦЕДЕЙ	16
НОСТАЛЬГИЯ	«И МНЕ ОН БЫЛ КАК БРАТ...»	20
ТРАДИЦИЯ	«И ДРУЗЕЙ СОЗОВУ, НА ЛЮБОВЬ СВОЕ СЕРДЦЕ НАСТРОЮ...»	23
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	НЕПОБЕЖДЕННЫЙ	26
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	«МЕЖДУ НАШИМИ НАРОДАМИ ЕСТЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ – ДУХОВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ»	31
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ЩЕДРОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ДАРА	34
ВСТРЕЧА С МАСТЕРОМ	ЯХТА	38
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	ПЕТУШОК – ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК	44
ШЕДЕВР	ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ	46
ДАТА	ПОЛУЧИТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО «ВЕЧНЫЙ» КАЛЕНДАРЬ?	50
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	«ПОЛУДЕННАЯ ЖЕНЩИНА» В ТБИЛИСИ	52
ПРОЩАНИЕ	«ДОБРО НУЖНО ТВОРИТЬ СОВЕРШЕННО БЕСКОРЫСТНО...»	53

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

**ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ МИХАИЛ
СААКАШВИЛИ 20 ЯНВАРЯ
У ЗДАНИЯ ПАРЛАМЕНТА
ГРУЗИИ ПРИНЕС
ПРЕЗИДЕНТСКУЮ ПРИСЯГУ**

«Мы построим Грузию без бедности.
Протянем руку всем нашим соседям.
Будем укреплять нашу безопасность и
единство».

(Из инаугурационной речи Президента Грузии
Михаила Саакашвили)

Фото Гога Чанадири

НАС ВНОВЬ СОЕДИНИЛ

Накануне музыкального вечера, посвященного 70-летию со дня рождения Владимира Высоцкого «Я люблю – и, значит, я живу», организованного Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб», который прошел 25 января в помещении Государственного театра им. Ш.Руставели под руководством Роберта Стура (художник-постановщик Мириан Швелидзе, музыкальный руководитель Тенгиз Джаиани), в Тбилисском международном пресс-центре РИА «Новости» состоялся телемост между Россией, Грузией и Азербайджаном. С грузинской стороны присутствовали: ведущий Николай Свентицкий, президент «Русского клуба», Роберт Стура, Вахтанг Кикабидзе, Кахи Кавсадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуранда Габуня, Дмитрий Схиртладзе, известные эстрадные певцы и журналисты. В России телемост вел журналист Юрий Рост, выступали актер Московского театра на Таганке Феликс Антипов, бард Дмитрий Межевич, художник Михаил Шемякин, актриса Лариса Лужина, геолог Вадим Туманов; с азербайджанской

стороны были главный режиссер Бакинского камерного театра Джаннат Салимова и другие. Встреча проходила в очень теплой, дружеской атмосфере. На телемосте вспоминали, сколько связывало Владимира Семеновича с Грузией. Свадебное путешествие, друзья, альпинизм, съемки фильма «Вертикаль» в Сванети... Участники телемоста в Москве вспомнили, что одна из первых публикаций Высоцкого была именно в Тбилиси в журнале «Литературная Грузия», еще при жизни поэта, в конце 70-х. Вспомнили также, что когда хоронили Высоцкого, в театре висел огромный фотопортрет работы Александра Саакова.

Феликс Антипов: Замечательно, что здесь собрались люди разного возраста и разных национальностей. Когда я иду на работу, постоянно прохожу мимо музея Высоцкого, часто встречаю красивого, огромного, талантливого парня – его сына Никиту. Шикарный музей, там театральные центры, идут замечательные спектакли, все время туда идут малыши, взрослые. Все продолжается. И это замечательно.

Юрий Рост: Сейчас выпущена книга об истории музея, а четвертый том сочинений Натальи Крымовой - о Высоцком. Некоторое время назад Валерий Плотников сделал замечательную книгу, где есть практически все его фотографии Высоцкого. Я бы очень хотел, чтобы мы поговорили о человеческих отношениях, которые нас с ним связывали.

Роберт Стура: Я вспомнил гастролы 64 года. Тогда еще не очень известный театр на Таганке приехал в Тбилиси и произвел ошеломляющее впечатление. Мы подружились. И когда мы поехали на гастролы в 65 году, нам устроили прямо на сцене необыкновенный концерт и банкет. И тогда впервые я услышал Высоцкого. Он пел «Очи черные». На меня это произвело впечатление, которое нельзя ни с чем сравнить. Он пел с такой силой темперамента, которая захватывала всех нас. Я вообще с недоверием отношусь к тому, когда его песни исполняют другие, потому что очень гармонично сочетается со стихами его мелодия, сила исполнения, половина исчезает в записи. Но с вечером что-то у нас получается достаточно интересное, неожиданное. Грузины вообще неплохо поют русские песни, романсы... Но петь Высоцкого сложнее. Просто это наша скромная дань памяти великого барда.

Гуранда Габуня: Мы на репетиции приходили, заходили за кулисы, смотрели какие-то отрывки. Хорошо помню «Гамлета». Много разных Гамлетов видела, большое впечатление произвел Лоуренс Оливье. Но Высоцкий играл как бы простого современного нам парня. И то, что он пел, было естественно и трагично. И вообще в спектаклях все внимание было направлено на него. Этот занавес Боровского, когда он две шпаги воткнул в занавес и пел... Впечатление было совершенно потрясающее. Он был закрытый человек. Помню, когда сидел на банкете, он не развлекался, не шутил, он пел. Позже я познакомилась с Мариной Влади, в Пицунде. Там отдыхали мои друзья Саша Митта с женой, она и привезла ее из Парижа. Это была прелестная скромная женщина. Я счаст-

лива, что у нас были хорошие отношения. Высоцкий все мог. Все говорят о его песнях, а он ведь был замечательным актером. Очень жаль, что не стал кинозвездой... В фильме «Служили два товарища» сыграл потрясающе.

Лариса Лужина: Судьба разъединила наши страны, и Володя сейчас нас вновь соединил. Мне очень приятно видеть своих коллег. У нас по Первому каналу 26 января будет день Высоцкого. И мне нравится, что не «памяти Владимира Семеновича Высоцкого» названо, а именно «День Владимира Высоцкого». Такое ощущение, что он жив и будет целый день с нами. Мы подружились во время съемок «Вертикали». Когда у него жизнь пошла по другому руслу, он женился на Марине Влади, наши пути разошлись. Но в период съемки фильма и год-два после мы дружили. Здесь говорили о Володе как закрытом человеке, но я его помню распахнутым, с ним было очень легко. У меня первый раз он исполнил песню «Спасите наши души», мороз по коже проходил. Это шло на таком надрыве, на разрыв аорты! А подо мной жили две старушки, они не знали, кто такой Высоцкий, многое ведь запрещалось в те времена, и они страшно возмущались: кто-то хриплым голосом кричит, мешает им... И они на меня написали в товарищеский суд. Меня вызывали на собрание, пришлось отвечать. Прошло какое-то время, они сами ко мне обратились с просьбой о записях. «Вертикаль» тоже не хотели снимать с Высоцким.

Р.Стура, Н.Свентицкий, Г.Кавтарадзе

Если бы не Говорухин... А как могла быть эта картина без песен? Не было бы и фильма. Благодаря им 42 года картина и живет. В одном из интервью Высоцкий говорил, что песни во время съемок рождались сами по себе, от общения с альпинистами, с которыми он дружил. Он чувствовал, что это настоящее. И не песни иллюстрация к фильму, а мы, актеры, иллюстрация к песням Володи.

Юрий Рост: Я работал с альпинистами в 82 году, и

им по радию туда передавали песни Высоцкого.

Вадим Туманов: Думаю, ни у одного из поэтов нет такого народного признания, какое было у Высоцкого. Хочу коротко сказать, каким был Володя, что это была за душа. В Пятигорске у нас часто жила старая армянка, тетя Надя, очень милый прекрасный человек. Мы как-то приезжаем, спрашиваем, как тетя Надя, что делала. Смотрела, говорит, фильм «Индюшкина голова». «Нет такой картины» – «А я тебе говорю, есть». Оказалось, это «Иудушка Головлев». И познакомили мы с ней Высоцкого. «Это тетя Надя, которая «Индюшкина голова», а это Высоцкий. Тебе нравится?» – «Очень. Хорошо поет. Только хрипит очень, у нас есть доктор...». Где-то под Нальчиком мы едем, совершенно о другом беседуем, и вдруг Вова говорит: «Слушай, ты заметил, какие у нее руки?» Я не понял. Спрашиваю: «У кого?» – «У тети Нади. Какие у нее натруженные руки». Это просто такой маленький рассказ о его отношении к людям. Я не отношу себя к верующим, очень многого не понимаю, но его отношение к людям было настолько теплым, что невозможно передать. Меня всегда злит, когда говорят о его пьянстве. Я его знал больше трезвым.

Георгий Кавтарадзе: Я хочу сказать, хорошо, что сейчас нас объединяет Высоцкий, любовь к нему. Робик правильно сказал, что сейчас когда такая личность уходит из жизни, все вокруг греются на его славе. Он очень сложный человек был в дружбе, редко кого-то подпускал близко. Какие красивые были все тогда: молодая Таганка и молодое поколение театра Руставели дружили. Когда они приехали в жаркое лето в Тбилиси, каждый день была большая нагрузка. Спектакли, встречи, потом банкеты: бажи, сациви, лобио... Мне с моими друзьями однажды поручили устроить банкет. Иду по дороге, рядом Высоцкий. Пока еще ничего не купили. Спрашиваю: «Что ты хочешь, Володя?» Он сказал: «Я хочу селедку». Мы купили селедки, сварили картошку, принесли пиво. Какие они были счастливые! Прошло время. Снежная Москва, гастроли в Кремлевском дворце. И после спектакля «Послушайте!», нас пригласили на Таганку. Накрыт стол: табака, сациви, лобио, пхали. В тот вечер он пел по-особенному. Никогда не забуду. Как-то инкогнито в 71 году он приехал в Аджарию. По Батуми ходили, мечтали, говорили... На другой день я показал ему «Ревизора». Считал своим любимым спектаклем. Ему, по-моему, не очень понравилось, и он сказал: «Кавтарадзе, смелее делай то, что ты делаешь. Пусть снимут спектакль, но ты делай смелее». И когда я провожал его на теплоход, говорю: «У меня родилась гениальная идея: ты будешь играть Хлестакова?» – «Как?» – «Пусть Хлестаков будет русский, остальные – грузины». Как он зажегся, как обрадовался!

Я считаю, что это был лидер нашего поколения. Не только российского или грузинского. XX век очень богат именами, и в него вписан Володя Высоцкий.

Вахтанг Кикабидзе: То, что сейчас расскажу, впервые говорю. Лет 40 тому назад я был на гастролях в одном маленьком российском городе. Тогда водку

продавали с 9 до 12 дня. Потом невозможно было достать. Мы были молодые, приехали с концертной бригадой. У нас было дежурство по утрам, мы должны были успеть отовариться. И настала моя очередь, я возвращаюсь с сумкой в руках, навстречу мне идут двое ребят, один случайно задел сумку, и там зазвенело. «Водка?» – «Да» – «Елки-палки, а мы не успели. Продай нам. Мы из Таганки, приехали с театром» – «Мы тоже артисты». И я им еще говорю, что если хотят выпить, пусть после концерта приходят в гостиницу, и называю наш номер. «Там посидим вместе». Когда вечером мы вернулись, они уже около двери стояли. Поздоровались, зашли, сели, начали пить. Потом один куда-то побежал, принес гитару. И вдруг неожиданно для меня звучит хриплый голос, он сказал, что будет исполнять свои песни. До утра сидели. Так завязалось наше знакомство, отчасти шептунное, потому что когда мы где-то пересекались, сразу появлялось желание выпить. По старой памяти. Вчера я был в одном доме. Пришел в гости один человек, и вдруг потом он встал и выпил за память Владимира Высоцкого. Сказал о вечере в театре Руставели и насколько он важен. Ничего удивительного, что в Тбилиси такой ажиотаж. Грузины знают цену и поэзии, и музыке Высоцкого, его обожали. Он был интернационалист. У итальянцев есть такое звание, народ придумал, «интернациональный». Из нескольких актеров, кого называли интернациональный, Альберто Сорди, допустим. Потому что они были лицом нации. Шукшин, Высоцкий... Когда Володя скончался, от меня скрывали, я лежал в больнице. И только на годовщину поехали на кладбище, пораньше, чтобы было мало людей. Только светало, и мы увидели огромное скопление людей. Невероятное количество народу, а даже восьми утра еще не было. То, что мы сегодня сидим здесь и говорим, очень важно и для нас, и для России. Потому что все связано с искусством. И энергетика, и сельское хозяйство, и многое другое без искусства не могут существовать. Не всегда наши политики это понимают. Высоцкий всегда будет. Недавно молоденькая девочка приходила брать у меня интервью по поводу вечера, и я спросил, знает ли она Высоцкого. «Нет», – ответила. Я сказал, что его обязательно надо читать и слушать. Мне звонил сын Володи Никита и приглашал принять участие в юбилейном вечере в Москве, но я сказал, для меня виза закончилась. И я был очень рад, узнав, что Робик будет здесь ставить вечер. Мы очень любим Высоцкого.

Михаил Шемякин: Когда говорят о нашей дружбе, чаще всего у людей проскальзывает впечатление, что забулдыги дружили в Париже – город безумный, буйный, женщин красивых много, кабаков. Остатки старой русской эмиграции держали кабаки, но эпоха больших кабацких дел закончилась. Причем это действительно были большие кабаки, там пели настоящие русские цыгане. Например, Владимир Поляков. Его часто путают с отцом Марины Влади, но никакого отношения он к нему не имеет. К Марине он относился как к дочери, у них теплые отношения сохранились до

самой смерти, он умер в преклонном возрасте: его пластинку я начал готовить, когда ему было 94, закончил в его 96, а умер он примерно в 107 лет. Накануне еще пел, устраивал концерт. У нас с Высоцким прежде всего была дружба творческая, плодотворная. Я окончил курсы операторов, чтобы профессионально записывать Володю. Семь лет сидел с наушниками, записывая его песни. Накупил лучшую аппаратуру. Помогал нам очень известный болгарский певец Константин Казанский, такой болгарский Высоцкий. Володя очень интересовался изобразительным искусством. У меня сохранились его письма, где он просит: «Мишуня, милый, образовывай меня, ибо я темен и неуч». На самом деле, конечно, такого не было, но учитывая железный занавес, он мало что знал о современном западном искусстве. Несмотря на то, что Володя выступал перед большими аудиториями, он очень не любил большие пространства. Когда он поселялся у меня, обычно останавливался в небольшой комнате моей дочери, которая переезжала в другие комнаты, и еще отгораживал это пространство диваном. И вот за диваном он садился на стульчик, одевал очки – последние годы не очень хорошо видел – и читал книги, рассматривал репродукции. И, конечно, туда входила запрещенная литература. Специально к приезду Володи я подготавливал тех мастеров слова, которые были запрещены. Это была и поэзия, и философия: Бердяев, Шестов и т.д. Был и знаменитый загул, а стал он знаменитым после того, как Володя вышел из больницы и написал песню «Французские бесы». Эта песня стоила им с Мариной двух месяцев разрыва отношений. Потому что Марина, конечно, переживала. Она вызвала меня и уехала на съемку в Рим. Володя потребовал немедленного отъезда в Россию. Я отвез его в аэропорт. Мы сдали чемоданы, а сами отправились гулять по кабакам. После выхода из больницы он написал довольно смешную песню, которую посвятил загулу. И когда Марина приехала в Москву, Володя исполнил эту песню, и, как он мне потом говорил, она очень хохотала, а потом вдруг в конце песни побледнела, стала собирать чемоданы, говорит: «Все!» Володя спрашивает: «Что, Мариночка, случилось?» - «Я так страдала, когда вы гуляли, а меня в этой песне нет».

Володя писал песни, посвященные моим работам. Сейчас я воздаю дань своему другу. 25 января в Самаре открывается памятник. Когда-то Володя пел на стадионе города перед 6-7 тысячами людей, он рассказывал мне об этих незабываемых днях. Памятник открывается перед этим стадионом. Володя стоит во весь рост в костюме Гамлета, опирается на гитару, как на шпагу, а сзади громадная стена, 5 или 6 метров в длину, из которой выходит Марина Влади в платье принцессы Клевской с распущенными волосами, очень красивая. Она прислушивается к птице Сириной – персонажу его песни «Купола», сидящей на разросшемся терновом кусте. И сбоку закутанная фигура женщины с маской, которую держит в руках, и если за маску заглянуть – это смерть, она держит чашу, которую обвивают маки. Внизу написано на бронзе

прощальное стихотворение, которое я нашел у себя на столе. Он настолько предчувствовал свою смерть, что в Париже, в моей мастерской написал прощальное стихотворение. Оно кончается такими словами: «Как хороши, как свежи были маки,/Из коих смерть схимичили врачи!» Володя понимал, что фактически его организм не выдержит чудовищного сочетания

Г. Габуня

К. Кавсадзе

алкоголя с морфием.

Хахи Кавсадзе: В 64 году мы приняли наших любимцев, а потом поехали в Москву в 65 году, и тогда впервые я услышал Володю живьем. Это было феноменально. Я знал записи, но вживую... Это было самое большое эмоциональное потрясение в моей жизни. Не случайно, что мы все собрались сейчас, в Тбилиси, Баку, Москве. Прошло 28 лет как ушел великий наш коллега, друг. О нем будут долго говорить, потому что он был замечательным поэтом, фантастическим певцом и совершенно гениальным человеком.

Инна КУЛИШОВА

СКВОЗЬ ПОМЕХИ ВРЕМЕНИ

Н.Свентицкий с гитарой В.Высоцкого

«Я, конечно, вернусь», - пел когда-то Высоцкий. 25 января ему могло бы исполниться 70 лет. Могло бы? Да нет, наверное, не могло. Как правило, истинным поэтам не суждено долго жить, особенно в России... За редким исключением. Возвращения Высоцкого ждали, к нему готовились. Не только в Москве и в родном театре на Таганке, не только России, но и в разных странах – всюду, куда долетал его голос.

Этот голос, рвущий душу и гортань, «с трещиной», как он сам говорил, знали все. Он был своим практически для каждого – от академиков до уголовников, людей, разных по уровню образования и культуры. Народным он стал, не имея никаких званий, орденов и наград. Его цитировали даже те, кто по долгу службы запрещал его выступления, не давал ходу его стихам и записям песен. Он явно выпадал из жестких рамок советского строя.

Как правило, его выступления проходили неофициально, почти подпольно — в цехах заводов и залах учреждений, а чаще в закрытых НИИ, работавших под грифом «Секретно». Помню один такой концерт в Москве в конце 60-х – по распределению я попала в НИИ

ПЕСНИ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО
ПОЮТ ЗВЕЗДЫ
ТЕАТРА И ЭСТРАДЫ
ГРУЗИИ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Я ЛЮБЛЮ – И, ЗНАЧИТ, Я ЖИВУ...

радиотехники. Это было время фильма «Девяти дней одного года», когда пришло новое поколение физиков-лириков 25-30 лет. В нашем отделе, например, руководитель научной группы, молодой кандидат технических наук учился на вечернем отделении Литературного института, куда частенько нас брал на семинары Льва Кассиля. Все научные сотрудники после схем и экспериментов по вечерам бегали в консерваторию, в театры, а на выходные шли в поход с палатками и гитарой у костра.

Как раз такая публика была желанной для Высоцкого, тогда еще малоизвестного артиста Таганки. Молодые, азартные технари-интеллектуалы видели в этом человеке с гитарой такого же экспериментатора и первооткрывателя, как они сами - безоглядного, дерзкого, свободного от всяких пут. Его ранние песни родом из московских коммуналок и подворотен. И всем было понятно, что это просто прикол, стилизация, открытый вызов всему приглаженному и отужоженному. Магия его стихов завлекала, а их эмоциональный выброс на сцене, энергетика, кажется, были сродни работе ускорителя протонов или растущему во времени магнитному полю.

Партийные чиновники не жаловали Высоцкого и побаивались его всенародного признания. Поэтому организаторы открытых выступлений Высоцкого обычно маскировали их, и концерты часто шли под видом лекций «Музыка и поэзия в театре и кино». При жизни его стихи в СССР не публиковались, зато расходились в самиздате. Его пластинки тоже не издавались, зато бобины магнитофонной пленки с жуткими по качеству

записями моментально разлетались по всей стране, и официальные препоны тут были бессильны.

При жизни Высоцкий был народным, после смерти стал культовым. Что же сегодня так притягивает к нему? Во-первых, мощь его личности и трагичность судьбы – «дожить не успел». Для молодых Высоцкий – некий момент открытия. Но для всех – момент истины, на подсознании, интуитивно ощущаемой правды жизни и самих себя – без прикрас, без оглядок «можно-нельзя», вопреки любому официозу.

Высоцкого уже нет с нами 27 лет. Многие кумиры за такой срок забываются, но не он. Имя Высоцкого в России сегодня носят улицы и проспекты, в его честь открываются памятники, музеи, снимаются фильмы, проходят фестивали. Его не забыли ни в столице, ни в российских регионах...

Вернулся он и в Тбилиси. Прямо на проспект Руставели. Его портрет на огромной афише вечера памяти был растянут на колоннах руставелевского театра. Высоцкий с нее смотрел на тбилисцев своим испытующим, пронзительным взглядом, будто давая нам шанс заглянуть в себя. Желающих проделать это было предостаточно, вместить всех не смог даже огромный зал театра Руставели. Билеты были раскуплены за десять дней до представления. Еще бы! Вечер Высоцкого под

Разумеется, много было и известных всем лиц, так что телекамеры и микрофоны, казалось, накалились от напряжения.

Сценическим символом этого вечера стала гитара Владимира Высоцкого, которая была подарена Юрием Любимовым к 100-летию театра Руставели, она и по сей день хранится в музее театра. Ее вынес на сцену президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий, он же автор идеи и организатор этого действия, осуществленного при поддержке Благотворительного фонда «КАРТУ». А дальше – встреча с самим Высоцким.

Луч высветил вверх его фотографию – во весь рост в роли Гамлета и, чуть развернувшись, с высоты смотрел на нас. Звучит колокол, на его звон, как на панихиду, сходятся исполнители и застывают в голубоватом свете. Из толпы отделяется и идет на нас мужчина в телогрейке, чем-то напоминающий героев Высоцкого, и с напором сжатой пружины читает стихотворные строки, давным-давно знакомые всем: «Я не люблю манежа и арены, на них миллион меняют по рублю, пусть впереди большие перемены, я это никогда не полюблю», «Я не люблю уверенности сытой, уж лучше пусть откажут тормоза». Актер Нико Гомелаури, стоя на самом

Прощальный аккорд концерта

руководством Роберта Стура – ну, кто устоит?! Но с другой стороны, в политической ситуации января это было неожиданно: Тбилиси готовился к инаугурации президента, накал политического противостояния не спадал, шли массовые акции оппозиции. Разве тут до Высоцкого?! Но нет, искусство и здесь перевесило политику. И вечер памяти русского артиста, поэта, барда в Тбилиси 25 января 2008 года стал знаменательным событием.

Несмотря на непривычный мороз, зрители осаждали театр задолго до начала, так что вечер памяти превратился в вечер встреч. Каждый мог увидеть здесь друзей, знакомых, соседей, и тех, кого не встречал годами.

Шотико Татишвили

Эка Квалишвили

Вахтанг Кикабидзе

Ирина Мегвинетхуцеси

краю авансены, бросает в зал слова, которые, можно сказать, были жизненным кредо Высоцкого.

Так Стура задал смысловой и эмоциональный стержень представления. Его подкрепляла и феерическая световая партитура, для каждого номера своя, и замечательное решение сценического пространства художником-постановщиком Мирианом Швелидзе. На самом верху, у колосников Высоцкий – Гамлет застыл на весь

Арчил Мепаридзе

Нико Гомелаури

Бесо Каландадзе

Мамука Онашвили

итоге она звучит как откровение.

В течение вечера можно было увидеть на сцене многих известных в Грузии исполнителей, и неожиданного было много. Об этом позаботился музыкальный руководитель Тенгиз Джаиани. Кто-то пел «под Высоцкого», другие «от себя», здесь был и дуэт двух гитар в песне «Кони привередливые», и ансамбль «Форте», превративший песню Высоцкого в вариант грузинского многоголосья, и 11-летний Шотико Татишвили, открывавший для себя и для нас шустрый задор небылиц поэта. А судить об интерпретациях, манере исполнения и музыкальных аранжировках это уже дело вкуса зрителей и слушателей. Тем более, что послушать это могут все – выпущен диск с записью песен Высоцкого в исполнении грузинских артистов и певцов.

А для тех, кто был в театре Руставели, вечер надолго останется в памяти. По окончании никто не хотел расходиться, долго разговаривали, спорили в фойе,

толпились на улице, делились впечатлениями, воспоминаниями. Давние поклонники Высоцкого ждали встречи не только с его стихами и песнями, им хотелось личного момента в каких-то штрихах биографии, хотя бы связанных с Грузией. Сейчас мало кто помнит, что именно в Грузии, в Сиони Высоцкий венчался с кинозвездой Мариной Влади, а какими фантастическими сюрпризами одаривал новобрачных Параджанов, какие встречи с художниками устраивал им Зураб Церетели, какой фурор произвели в Тбилиси гастроли театра на Таганке, Гамлет, выходявший на сцену с гитарой! В этих ностальгических воспоминаниях есть какой-то смысл. Наверное, моменты биографии Высоцкого были особенно интересны для молодежи, чтобы они могли хоть издали ощутить мощь его незаурядной личности и понять, почему этот человек стал символом своего поколения.

Впрочем, каждый мог ждать чего-то своего. В данном случае вечер памяти был решен в жанре концерта, со своей особой, как бы отстраненной театральностью. Но по большому счету все это не важно. Главное другое – в сегодняшней Грузии с такой любовью и мастерством, так торжественно и широко был отмечен день рождения Владимира Семеновича, артиста, барда. Его особое восприятие и видение мира повернуло что-то в нашем сознании. Будто предугадав, это очень точно акцентировал Стуруа в финальной точке вечера. В перекрестных лучах света изображение Высоцкого медленно поплыло вверх и исчезло в невидимой выси. Его провожали взглядом застывшие на сцене исполнители и зрительный зал.

Высоцкого слышали всегда, сквозь любые помехи. Сейчас его слышат сквозь помехи времени. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Высоцкий из тех поэтов, кто смог увековечить боль и боль своего времени и поколения.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

вечер в многоцветье лучей, будто невидимо присутствуя на своем 70-летию. Гитара в центре на постаменте как символ творчества, как памятник ему. Поодаль по бокам два других символа. Олицетворение советской эпохи – гипсовая скульптура пионерки, будто пришедшая из парка культуры нашего детства. А напротив – большая икона Богородицы с горящей свечой внизу. Вот они, две стороны жизни. Одна – внешняя, показная, как надо: «Будь готов! - Всегда готов!» - прокрустово ложе советской идеологии. Другая сторона той же эпохи – это душа, совесть, вера и вечность. Так люди и жили. Только у одних это получалось, а у других – ну, никак!

Впрочем, сейчас приходишь к выводу, что жажда этого салютного лозунга «Будь готов!», наверное, спрятана внутри любой власти. Разница только в законах и степени требований этой самой власти. А что касается избранных людей, по своей природе рожденных свободными, то они во все времена были изгоями. Зато на все времена оставалось их творчество.

Так и с Высоцким. Слова песен те же, а кажется, что про нас сегодняшних. Особенно, если поются они нутром, не жалея нервов и голосовых связок, как в исполнении Ирины Мегвинетухуцеси. «Тот же лес, тот же воздух и та же вода, только он не вернулся из боя». Для нас это не тот давний бой, а сегодняшний – Чечня, Абхазия, дымящийся проспект Руставели 90-х. Зажженная актрисой свеча у иконы – не просто мизансценическое завершение номера, это дань всем, прошедшим бои, в том числе, идеологические.

Вахтанг Кикабидзе своим замечательным выступлением еще раз доказал, что совсем не обязательно имитировать голос Высоцкого. Он не пытался «хрипеть», пел в только ему присущей манере со свойственной ему интонацией, благо масштаб личности это позволяет. В «Песне о друге» из фильма «Вертикаль» у него нет никакого пафоса, он ее начинает со свиста, легко, а в

«Сны о Грузии». Так назвал управляющий Тбилисского русского театра имени А.С. Грибоедова и его художественный руководитель Автандил Варсимашвили свою поэтическую композицию «Сны о Грузии» и этим напомнил об известном сборнике Беллы Ахмадулиной, выпущенном издательством «Мерани» в 1977 году... «История человечества не знала подобной взаимоплюбы двух поэзий, как между грузинской и русской поэзиями», — неоднократно подчеркивает поэт Евгений Евтушенко. Это и стало лейтмотивом поэтического спектакля — вечера «Сны о Грузии», поставленного на сцене Грибоедовского театра при поддержке Между-

ли не с азов — напоминать юным и незрелым душам о тех, кто стоял у истоков беспрецедентного «братства в застольях и в трагедиях»... «О Грузии забыв неосторожно, в России быть поэтом невозможно!» — известная поэтическая метафора имеет вполне реальную культурно-историческую основу, считают создатели этого ностальгического спектакля.

«Сны о Грузии — вот радость!»

Сцены из спектакля

народного культурно-просветительского Союза «Русский клуб».

Вечер был построен как школьный урок. Этот художественный прием позволил вспомнить хорошо знакомые, хрестоматийные строки стихотворений русских поэтов, связанных с Грузией узами нежной любви и дружбы, яркие эпизоды взаимоотношений русских и грузинских «братьев не по крови, а по духу, по перу», углубиться в прошлое, поведать молодому поколению о старинных традициях русско-грузинских литературных взаимосвязей. Тем более что мы живем в печальную эпоху забвения, когда приходится начинать чуть

Класс. Парты, за которой сидит юная Анечка (Анна Арутюнян). Учитель (Михаил Амбросов) пишет на школьной доске имена Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Пастернака, Мандельштама, Ахмадулиной... Очередное знаковое имя, зафиксированное учителем, определяет тему эпизода композиции — звучат знакомые строки, приводятся известные или малоизвестные факты «грузинской» части биографии поэта.

На сцене появляются и сами поэты — при этом речь идет, конечно, не о перевоплощении актера в образ. Все лишь слегка обозначено, обыграно. Так, трагическая история Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе передана Валерием Харютченко и Людмилой Артемовой, Пушкина представляет Аполлон Кублашвили, Лермонтова — Николоз Гомелаури, Есенина — Дмитрий Спорышев, Маяковского — Ваню Курасбедиани, Пастернака — Вахтанг Николава, Мандельштама — Валерий Харютченко, Ахмадулину — Ирина Мегвинетухцеси... Но главный «герой» этого спектакля — Поэзия. Поэзия, выражающая отношение русских поэтов к грузинскому феномену, Тифлису, грузинским поэтам («Поэтам Грузии» — так называется стихотворение Есенина, прочитанное Наной Дарчиашвили)...

Поэзия наполнила души зрителей теплыми импульсами, они были рады вновь прикоснуться к любимым стихам — «Там, где вьется Алазань», «На холмах Грузии лежит ночная мгла», «Мне Тифлис горбатый снится, сазандарей стон звенит», «Я знаю, глупость эдемы и рай, но если пелось про это, значит, Грузию, радостный край, подразумевали поэты», «Сны о Грузии — вот радость! И под утро так чиста виноградная сладость, осенявшая уста», «В Тбилиси есть особенная прелесть, на этот город звезды засмотрелись»... Все это — неисчерпаемый колодец любви к Грузии... Грибоедовцы предложили лишь несколько капель этой чистой воды.

Сцену плотно окружали портреты поэтов, отдавших дань грузинской теме, среди них не только названные художники слова, но и Андрей Белый, Николай Заболоцкий, Арсений Тарковский...

Звенит звонок. Урок окончен. Урок продолжается.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Продолжать славные традиции

так свойственного Вам и Вашему древнему народу. Уверен, что под этими словами подписались бы многие, кому Вы – прямо или косвенно – приходитеесь наставником». Леонид Кучма.

«Вы прожили долгую и яркую жизнь, многие эпизоды которой стали частью истории». Евгений Примаков.

«Я хорошо знаю, что человеческими поступками или политической деятельностью ты всегда действовал для блага своей страны. Так было не только после обретения ее независимости. Еще во времена Советского Союза в бытность министром иностранных дел твое внимание всегда было обращено к Грузии». Ганс-Дитрих Геншер.

Кстати, Deutsche Presse Agentur отмечает, что Эдуард Шеварднадзе как один из первопроходцев и архитекторов объединения Германии останется для немцев незабываемой личностью.

Э.А.Шеварднадзе

В дни юбилея наш корреспондент встретила с Эдуардом Шеварднадзе, поздравила с юбилеем и попросила ответить на ряд вопросов.

Экс-президенту Грузии Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе исполнилось 80 лет. Поздравления юбиляру пришли из разных стран, от людей разных профессий: это – бывший президент Молдовы Петр Лучинский, Зураб Церетели, Анатолий Чубайс, Йозеф Шляйхер от имени Daimler AG...

«Как министр иностранных дел СССР, Вы сыграли решающую роль в том, чтобы стало возможным преодоление раздела Германии и Европы в условиях мира и свободы. А после, на посту президента Грузии Вы с успехом способствовали установлению тесных и плодотворных отношений между нашими народами. Эти две заслуги незабываемы в Германии», - пишет в своем поздравительном письме президент ФРГ Хорст Келлер.

«Судьба так распорядилась, что Вам пришлось быть не только очевидцем, но и активным участником исторических преобразований в СССР и в родной Грузии. Вы очень многое сделали для нашей страны, для людей. Несмотря на то, что сейчас те, казалось бы, недавние годы для нашей истории, стали обрастать самыми диковинными мифами, я глубоко убежден: время все правильно расставит по местам. Пока живы участники тех событий, невозможно исказить историю до неузнаваемости, хотя попытки такие предпринимаются». Михаил Горбачев.

«И всегда Вы оставались для меня примером мудрости, выдержки и неповторимого благородства,

- Когда стареешь, это не очень хорошее явление. Просто, юбилей есть юбилей. Отметил обычно, без особого шума, в кругу близких. Пришло много поздравлений. Самое большое количество из Германии. Это, может быть, связано с тем, что недавно в Германии вышла моя книга. По просьбе немецких издателей она называется «Когда был прорван железный занавес». Кстати, жена издателя Петера Метцлера – грузинка Нино Сологашвили. Они очень образованы, у них хорошая семья. В ближайшем будущем они приедут в Грузию на презентацию этой книги. Презентация пройдет в начале марта в тбилисском филиале Института Гете. В свое время я распорядился выделить здание для Института Гете в Тбилиси.

Очень теплое письмо прислал Ильхам Алиев. Все знают, что я не люблю принимать подарки, поэтому некоторые символично преподнесли вино и коньяк. Я не обращаю внимания на ценность вещей. Хотя в моем доме много подарков, красивых картин... В мою бытность министром иностранных дел СССР, во время визитов коллеги и президенты других стран преподносили подарки, как этого требует этикет.

У меня были прекрасные отношения с Ладом Гудиашвили, художником мирового масштаба. Часто посещал его дом, несколько раз он предлагал в дар

свои картины, но я всегда категорически отказывался. Потом этот старый человек взял одну из своих картин, подъехал к моему дому и вручил ее мне. Теперь уже от подарка невозможно было отказываться. Гудиашвили был гениальным человеком.

- Из Москвы пришло письмо и от Михаила Горбачева...

- Одни из самых волнующих слов о нашей совместной работе и дружбе написал Горбачев. Мы были большими друзьями. Когда Горбачев стал генсеком, он позвонил мне и предложил возглавить МИД. Я был категорически против и свой отказ мотивировал тем, что в дипломатии ничего не понимаю, а в зарубежных странах был всего лишь несколько раз, на съездах компартий. Но Горбачев обосновал свое решение тем, что ему нужен не дипломат, а политик, понимающий сущность перестройки. Громыко, избранный в ту пору председателем президиума, тоже согласился с ним. Потом меня вызвали в Москву. Когда я пришел в МИД, на Смоленскую площадь, меня никто не сопровождал. Обычно при назначении министра кто-нибудь из правительства представляет его коллективу, а я приехал один. Помню, на седьмом этаже меня ждали моих восемь заместителей. Уже через несколько дней предстояло вылететь в Финляндию для выступления на конференции, посвященной десятилетию Хельсинкского договора.

- В течение ряда лет между Грузией и Россией стабильная нестабильность. С чего должна начаться нормализация отношений?

- С диалога. Обе стороны заинтересованы в нормализации этих отношений. Сейчас нет времени искать виновных. Даже, несмотря на то, что в свое время Россия сыграла отрицательную роль в положении с Абхазией и Цхинвальским регионом, то, будучи президентом, все равно старался сохранить нормальные отношения с Россией. Считаю, что восстановление территориальной целостности Грузии надо решать с помощью России. Я еще раз отмечу, что именно после нашей встречи в Сочи с Владимиром Владимировичем Путиным стало возможным возвращение беженцев в Гальский район. Вернулось большая часть населения – более 60 тысяч. Это было итогом наших переговоров.

Поэтому я и сейчас считаю, что если серьезно хотим улучшить отношения между двумя странами, может быть, Грузия даже больше заинтересована в этом, потому что Россия для Грузии это большой рынок, и никакая другая страна не может ее заменить, поэтому необходим диалог. Россия тоже заинтересована, ведь Грузия имеет важное геостратегическое значение, соединяя Среднюю Азию через Каспийское море с европейскими государствами, т.е. является соединяющимся звеном. Недавно избранный президент Грузии в своих выступлениях несколько раз подчеркнул значение восстановления отношений между Грузией и Россией.

- Чтобы вы посоветовали молодому поколению Грузии и России, что их может объединять?

- Знаете, в России проживает не так уж мало, примерно 600-700 тысяч грузин. Так было издавна. У молодых всегда были прекрасные отношения, некоторые из них создали смешанные семьи. До последних времен в Грузии проживало большое количество русских, и отношения между грузинами и русскими всегда были замечательными. Не помню, чтобы когда-нибудь произошли неприятности на национальной почве. Но потом, когда жизнь стала труднее, некоторые покинули Грузию. Но отношения остались, ведь нас объединяет многое. Во-первых, мы христиане. Поэтому я посоветовал бы молодым продолжать славные традиции, которыми мы всегда гордились.

- Как оцените деятельность «Русского клуба» в Грузии, состав которого интернационален?

- Это нужная, необходимая работа в интересах укрепления дружбы не только между нашими народами, но и странами. Я говорил о необходимости восстановления традиций, которые характеризуют наши отношения. В этом смысле ваша деятельность, журнал, который вы издаете, очень ценны. С большим удовольствием читаю ваш журнал и хотел бы на него подписаться.

Я всегда с одинаковой любовью относился ко всем нациям, когда был и первым секретарем ЦК и президентом Грузии. Как грузин, я, естественно, лучше знаю жизнь и традиции грузин, но у меня всегда были хорошие отношения с азербайджанцами, армянами, курдами, греками, евреями... Во времена СССР я был одним из инициатором свободного выезда евреев в Израиль. Уже, будучи президентом Грузии, я четырежды посети Израиль. Там все знают и помнят, что с моей помощью стала возможной эмиграция. Я подружился с тогдашним министром иностранных дел, а ныне президентом Израиля Пересом. Он старше меня на три-четыре года. Мы и сейчас в хороших отношениях, ведем переписку. Я дважды выступал в Ашкелоне, где большинство населения составляют бывшие граждане Советского Союза. У них особое ко мне отношение. Они на встрече произносили теплые слова в мой адрес, а после пронесли меня на руках чуть ли не полкилометра.

В Конституции Грузии записано, что грузинский язык является государственным языком, и каждый гражданин должен владеть им. Но как овладеть, если человек живет в Ахалкалаки. А там, помнится, была одна грузинская школа. При мне был открыт филиал Государственного университета. Для него было выделено несколько зданий, занимаемых до этого российской военной базой. Через два-три года, во время посещения этого филиала, вижу, что армяне стали говорить на грузинском языке, а грузины – на армянском, после совместной учебы. В Марнеули по моей инициативе открыли филиал сельскохозяйственного института. Мы должны стремиться и создавать все условия, чтобы каждый гражданин Грузии мог владеть государственным языком.

Миранда ОГАНЕЗОВА

Лицедей

Рамазу Чхиквадзе, воплотившему на сцене незабываемые образы Кваркваре, Аздака, Ричарда Ш, короля Лира и других, 28 февраля исполняется 80. Жаль, что молодое поколение, заполняющее сегодня зал театра имени Шота Руставели, не имеет возможности оценить актерский гений Чхиквадзе. Вот уж когда осознаешь, что спектакль существует лишь в те мгновения, когда его смотришь... а потом остаются лишь воспоминания о великом даре перевоплощения, легенда, миф. Но мы, зрители, все-таки не теряем надежды вновь увидеть на руставелевской сцене великого артиста, прикоснуться к тайне его творчества.

О РАМАЗЕ ЧХИКВАДЗЕ ГОВОРЯТ

Роберт Стуруа:

- Когда молодой режиссер приходит в театр, он имеет поначалу очень наивное представление о том, какой театр он хочет исповедовать. После института это скорее какие-то мечты. Но когда режиссер окунается в жизнь театра, выясняется, что там уже существуют сложившиеся традиции. Мне повезло, что в труппе театра имени Шота Руставели в те годы работали такие артисты, как Эроси Манджгаладзе, Рамаз Чхиквадзе... Эроси было всего 35, и я его долгое время называл батано. Если бы не было этих актеров, если бы я пришел в театр на десять лет раньше, когда еще творили Акакий Хорава и Акакий Васадзе, я стал бы другим режиссером. Идет обратный процесс: актеры диктуют стилистику режиссеру, и он начинает создавать вместе с ними что-то новое.

Рамаз, когда я хотел его занять в первом же спектакле, ловко улизнул. У него были свои проблемы, к тому же он не знал, чего я стою как режиссер. В институте ведь про всех говорят: талант! Видимо, ему не очень понравилась выбранная мной пьеса «Третье желание» — ее написал известный чешский диссидент Вратислав Блажек. В Тбилиси с этим спектаклем, не очень удачным, гастролировал театр «Современник». Рамаз его видел... и улизнул. А наша первая встреча

Открытие звезды Рамаза Чхиквадзе

гического балагана с элементами театра абсурда, идти по очень тонкой грани, на острие, сохраняя жанровую чистоту.

Если бы не было Рамаза, я был бы другим режиссером. Все-таки я определился благодаря нашей встрече. Это стало для меня подарком судьбы! Потом, когда я уже понял, что могу и что хочу делать в театре, в каком жанре проявляю себя лучше всего, я как-то окреп, мне стало легче работать и с другими артистами. Поэтому для меня Рамаз – символ моей театральной веры, моего кредо. Я больше всего люблю в театре то, что Станиславский считал самым высшим проявлением актерс-

с Чхиквадзе произошла на репетициях «Ханумы»...

Когда мы работали над спектаклем «Кваркваре Тутабери» П.Какабадзе, Рамаз вначале не ходил на репетиции. По-моему, опять хотел... исчезнуть. А я репетировал с Кахи Кавсадзе. Он очень легко воспринимал все новшества, которые я предлагал ему. Я почти не видел спектакли зарубежных театров. Шел вслепую, интуитивно. Это потом все стало осознанно. Новые театральные идеи распространяются как грипп – вирусами: я могу ничего не видеть, но при этом чувствовать веяние времени. И когда однажды пришел Рамаз и увидел один такой прогончик нескольких сцен, он вдруг понял, к чему именно мы стремимся. И он стал мощно входить в репетиционный процесс и фактически вытеснил Кавсадзе. Перед выпуском спектакля возникла очень напряженная ситуация, на грани скандала. В результате Кахи пришлось уступить Рамазу, потому что к тому времени Чхиквадзе уже работал намного интереснее. Спектакль на такого мощного мужчину, как Кахи, не ложился. Кваркваре должен был быть скорее маленьким человечком, чем громилкой... ведь все советские диктаторы были небольшого роста. Видимо, это связано с каким-то комплексом маленького человека...

С тех пор Рамаз Чхиквадзе стал для меня одним из важнейших артистов, которые помогли мне определиться как режиссеру. Потому что у него необыкновенный талант на грани фарса и трагедии, что, возможно, до меня никто не замечал. Никто не предлагал ему такие роли, как Кваркваре или Ричард III. Когда я собирался ставить «Ричарда III», в театре было пять претендентов на эту роль. И все были недовольны тем, что выбор пал не на них, что был назначен какой-то комик – яркий, талантливый, но совсем не трагический артист. Хотя самое сильное, что есть в Рамазе Чхиквадзе, – это способность воплощать образы тра-

В дни поэтического фестиваля (Батуми): Посол РФ в Грузии В.Коваленко, супруги Чхиквадзе, Н.Свентицкий

кого мастерства и сценического искусства как такового. Тогда это называли гротеском. Для меня это тоже самое ценное, что я могу увидеть в артисте и театре. Конечно, этот стиль в XX веке видоизменился. Благодаря русским ОБЭРИУтам и театру абсурду, который логически родился из творчества этой замечательной группы больших писателей и драматургов, которых мы просто не знаем. Недавно я прочел все их пьесы и был потрясен, насколько они опередили свое время. Где-то в середине XX века это вылилось именно в театр абсурда – театр Ионеско, Беккета.

Я считаю, что мне повезло. Наш творческий союз с Рамазом похож на любовь. Кто-то может встретить настоящую любовь, другой занимается самообманом... А у нас была именно великая любовь. Мы сделали вместе с Рамазом самые удачные спектакли театра имени Шота Руставели. Некоторые театроведы называют этот период – 70-80-е годы прошлого века – золотой эпохой руставелевцев. Когда я не-

С супругой Наташей

давно ставил в Израиле «Короля Лира», то понял, насколько труден для артиста жанр трагического балагана. Хотя в спектакле израильтян короля Лира играл замечательный артист Йоси Полак. Теоретически он все понимал, но не мог сыграть так, как это делал Рамаз. Я имею в виду не масштаб таланта, а именно жанр. Кстати, великие Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин играли в «Короле Лире» именно в этом жанре... Однако чаще всего актеру кажется, что если он не рвет на себе волосы, то

народ не поверит, что перед ними – Лир. Но, во-первых, кто знает, кто такой Лир. Вспомним слова Лира, когда он держит на руках мертвую Корделию и называет ее: «моя глупая девочка!» Это страшные, жестокие слова, но рыдать как-то не получается. Лир обращает эти слова к самому себе, потому что не поверил Корделии в тот момент, когда она говорила правду... Словом, в Израиле я еще раз осознал, насколько Рамаз уникален в своем таланте. Кстати, в Англии Чхиквадзе имел оглушительный успех, и все воспринимали это вполне нормально, как должное. Но когда я посмотрел после наших гастролей несколько английских спектаклей «Ричард III», то увидел, что они поставлены не без нашего влияния, это же касается и одноименного фильма. Наш спектакль, и особенно работа Рамаза, введены в английские учебники о театре для колледжей как одно из значительных явлений шекспировского театра....

Я рад, что Рамаз еще может играть. Он простаивает столько лет, хотя мог сыграть Шейлока. Мы уже приступили к репетициям, но вдруг Рамаз категорически отказался продолжать работу. Считаю, что это стало одним из ударов, нанесенных актером самому себе. Не могу объяснить причину такого решения. Когда достигаешь мифического, легендарного уровня, то боишься сыграть и развенчать этот миф. Ведь современники, не видевшие прежних работ, могут сказать: «Ну и что – Рамаз Чхиквадзе?» Хотя, может быть, дело в другом... Это единственное, что омрачает наши отношения с Рамазом. Естественно, его Шейлок был бы совершенно другим, не таким, каким его, кстати, великолепно, сыграл Александр Калягин. Наверное, Рамаз сыграл бы острее в смысле жанра. С моей стороны делались попытки предложить Рамазу и другие роли... Так, он мог сыграть в «Последней записи Крэппа» Беккета. Я поставил пьесу в Москве, на сцене театра «Et cetera», причем яснее, чем это сделано у Беккета, и от этого абсурдность исчезла, пьеса стала реалистичнее, чем нужно было. Тем не менее этот спектакль мне очень дорог, он пользуется

успехом... Не думаю, что Рамаз исчерпал себя. Мне кажется, он не до конца выложился. В нем все еще есть огромные возможности.

Наталья Бурмистрова:

- Впервые увидела его еще в спектакле «Такая любовь» Когоута. В нем были заняты, кроме Рамаза, Медея Чахава и Серго Закариадзе. Чхиквадзе и Медея Чахава покорили очарованием молодости, свежестью. Помню Мекки-ножа из «Трехгрошовой оперы». Рамаз – исполнитель этой роли – замечательно пел, с задором, куражом пританцовывал! А «Кавказский меловой круг»? Я видела несколько спектаклей по этой пьесе Брехта, с разными исполнителями, но нашумевшая постановка Роберта Стура была лучшей! Я была восхищена творчеством Рамаза! Откуда он взял эти приспособления? Что бы ни играл Чхиквадзе, это было полное перевоплощение. Не случайно, когда театр Руставели поехал за границу, актер произвел там фурор, покорила всех... Чхиквадзе – большой мастер, актер огромных возможностей, мужского шарма. Это актер знаковый – руставелевский театр всегда блистал талантами, и Рамаз сверкал среди этих звезд. Обидно, что в последнее время он не появляется в новых ролях. Мне кажется, его талант не иссяк.

Александр Калягин:

- Рамаз – один из величайших, не великих, а величайших актеров современности. Незабываемы первые гастролы в Москве, в Малом, когда театр имени Руставели привез «Ричарда III» и «Кавказский меловой круг». Я увидел Рамаза впервые, и это был

А.Эркомаишвили, В.Редгрейв, Р.Чхиквадзе, Г.Сагарадзе

шок. Потом мы подружились и снимались вместе у латышского режиссера Августа Суукута. В Рамазе сочетаются грузинский темперамент с фантастической актерской техникой плюс освоение традиций всех великих комиков. От комедии дель арте до Чаплина. Этот невероятный коктейль будоражит меня до сих пор. Так играть я, конечно, не смогу, но всю жизнь

буду к этому стремиться. С бесконечной любовью поздравляю его с юбилеем.

Сергей Юрский:

- Когда я впервые увидел его игру, то обрел уверенность, что это – самый лучший артист на свете. Общаясь «вживую», я узнал, какой он замечательно живой, веселый и милый человек. Сегодня, когда мы так досадно разобщены, думая о Грузии, я, прежде всего, вспоминаю Рамаза. Как-то он там поживает? Люблю его, ценю, желаю самого большого добра.

Отар Мегвинетухуцеси:

- Уже в студенческие годы было ясно, что Рамаз Чхиквадзе рожден быть актером. На четвертом курсе театрального института он играл Фигаро под руководством Дмитрия Александровича Алексидзе. Мнение об его исполнении было восторженное, и его сразу распределили в театр имени Руставели, где он творит всю жизнь.

В первые годы и в театре, и в кино ему предлагали неинтересные, не подходящие для его таланта роли. Так продолжалось больше десяти лет. И вдруг он начал блистать. Особенно это проявилось в пьеске Г.Нахуцришвили «Чинчрака», в роли Косико. Спектакль шел с большим успехом, в нем был занят блистательный актерский ансамбль. А дуэт Серго Закариадзе с Рамазом у меня до сих пор перед глазами. Это был фейерверк импровизации, талантливейших находок, соревнование актеров, дающих и получающих радость от общения друг с другом и со зрителем. Этот спектакль-праздник я смотрел семь раз...

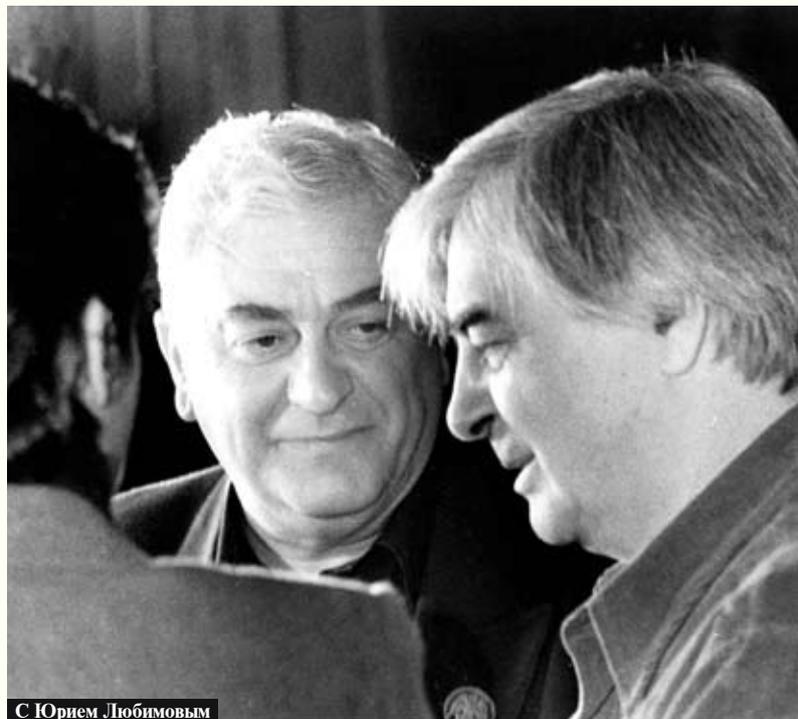
Поставил спектакль Михаил Туманишвили, к тому времени уже познавший огромный успех благодаря своим постановкам на сцене театра имени Руставели, особенно спектаклю по пьесе Флетчера «Испанский священник» с непревзойденным Эроси Манджгаладзе в главной роли. В театре героико-романтического направления, где царили гениальные актеры Акакий Хорава и Акакий Васадзе, великие исполнители Отелло и Яго, в театре, порожденном величайшим режиссером Сандро Ахметели, создавшим это направление, определившим лицо театра имени Шота Руставели, Михаил Туманишвили со своими молодыми соратниками из группы «Швидкаца» произвел реформу.

С этого момента, и особенно в содружестве с Робертом Стуруа начинается восхождение Рамаза Чхиквадзе на самые высокие вершины театрального искусства.

В роли Кириле Миминошвили из «Мачехи Саманишвили» Д.Клдиашвили Рамаза я видел семь или восемь раз. Как в роли Косико, так и в роли Кириле проявился его могучий талант комического артиста. А после «Кавказского мелового круга», «Кваркваре» и «Ричарда III» начинаются триумфальные гастроли театра по всему миру, принесшие Роберту Стуруа, Рамазу Чхиквадзе и всем руставелевцам мировую славу.

В жизни Рамаз неугомонный весельчак, балагур,

импровизатор, необыкновенный рассказчик, тамада, душа общества. Как актер он добился всего, чего мог достичь сегодняшний актер такой маленькой страны, как Грузия. Этой возможности были лишены наши гениальные «старика» – Верико Анджапаридзе, Сесилия Такашвили, Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Васо Годзишвили, Георгий Шавгулидзе, Серго Закариадзе. Рамаз Чхиквадзе – достойный продолжатель их великого дела.

О РАМАЗЕ ЧХИКВАДЗЕ ГОВОРИЛИ И ПИСАЛИ

Иннокентий Смоктуновский:

- Рамаз Чхиквадзе – это явление в театральной жизни, его образы – это эталон игры. Проходят годы, десятилетия, но их не забываешь. Они останутся в истории театра.

Джон Барбер («Таймс»):

- Рамаз Чхиквадзе – величайший актер современности. Он кавказский Лоуренс Оливье.

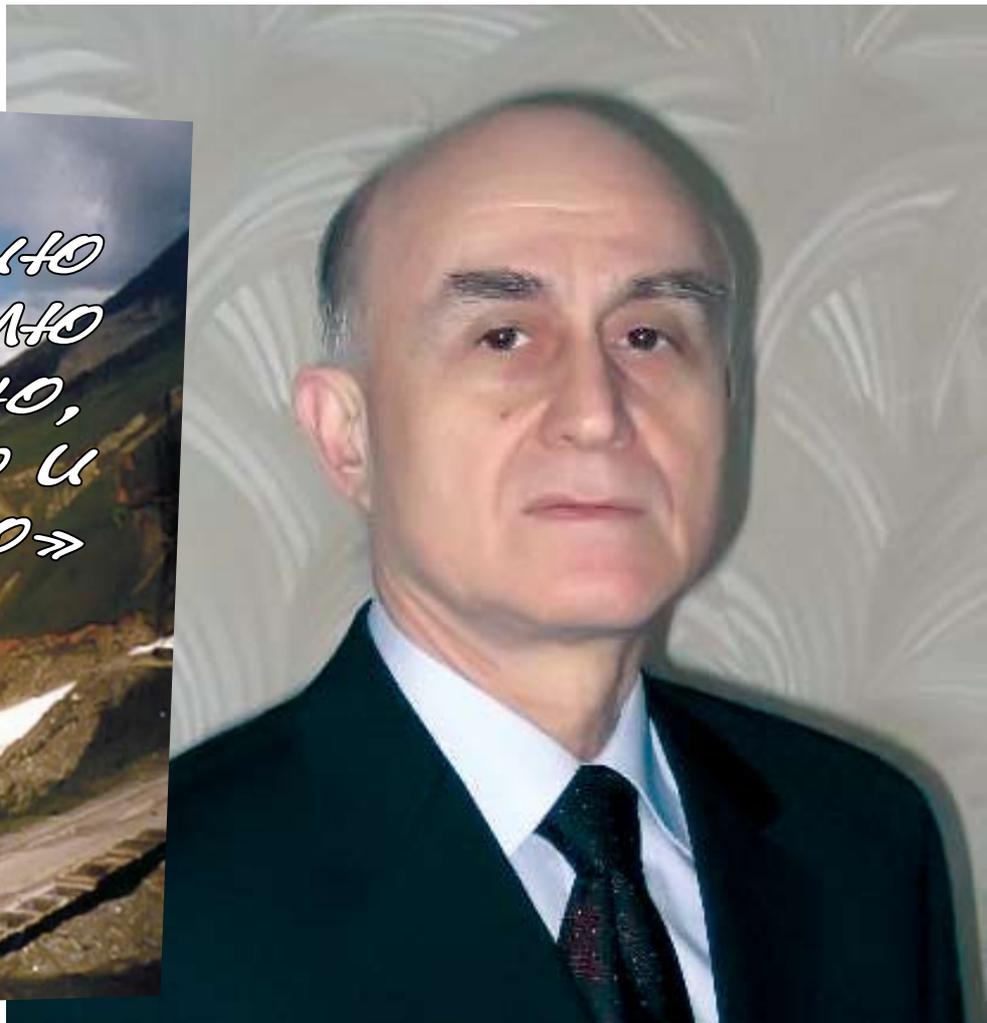
Майкл Ковен («Файнешнл Тайм»):

- Он входит в элиту таких великих актеров, как Оливье, Ян Холм и Роберт Пирш. У него такая сила, что создается впечатление, что сцена принадлежит только ему.

Газета «Науово», Италия:

- Это великий актер, может быть, самый великий из всех живущих актеров. Спешите посмотреть его в спектакле «Пляска смерти», и вы сами убедитесь в этом.

Материал подготовили
Анастасия ЕФРЕМОВА
Инна БЕЗИРГАНОВА

КАЗБЕК СУЛТАНОВ
заведующий Отделом литератур народов
РФ и СНГ ИМЛИ РАН, доктор
филологических наук, профессор

«И мне он был как брат...»

В необъятной, как мне в детстве казалось, отцовской библиотеке в Махачкале – одной из лучших, по мнению знатоков, на Кавказе – я, ученик седьмого класса, обнаружил книгу в необычайном бархатном переплете. Каждая из роскошных иллюстраций была упрятана под тончайшей полупрозрачной папиросной бумагой. Часы проведенные в укромном библиотечном уголке наедине с «Витязем в барсовой шкуре», с Тариелом и Автандилом – это моя неослабевающая память сердца.

Не помню, чей был перевод – Ш. Нуцубидзе или Н. Заболоцкого, но сама встреча с Руставели, с подлинной поэзией запомнилась навсегда. Тогда же я задумался: почему так близко и понятно то, что далеко и не твое? И ответил сам себе: благодаря поэзии можно, оставаясь в Дагестане, оказаться за Кавказским хребтом, в другом мире. Пребывая вне Грузии, можно открыть для себя Грузию Давида Строителя и царицы Тамары. Так я впервые понял преимущество общения с литературой, способной сокращать расстояние. Таким был первый неосознанный, но, несомнен-

но, благодарный отклик на то, что я назвал бы духовной щедростью грузинской литературы.

Много позже пришло понимание того, что эта развернутость грузинской литературы в мир универсальных человеческих переживаний, этот пример возвышения над провинциальной односторонностью обеспечены выстраданной свободой самовыражения, разлитой в грузинской литературе потребностью противостоять несвободе.

Магия грузинского художественного слова не только во внешней непринужденности артистизма, в эмоциональной избыточности, названной О. Мандельштамом «пиршественной пьяностью», не только в изысканности и стильности, но и в глубинной психологической установке на самоценность внутренней свободы. Свободные люди говорили на языке литературы независимо от века проживания, от несвободных эпох и жанровых предпочтений – будь это «Мученичество Шушаник» Я. Цуртавели или «Жалоба на жизнь» Теймураза I, «Элисо» Александра Казбегии или «Человек ли он?» Ильи Чавчавадзе, романы-

прозрения Отара Чиладзе или слово идущего «по следам Руставели» Ираклия Абашидзе.

Откровением в этом смысле стало для меня прочтение бараташвилевских «Судьбы Грузии» и «Мерани». Долго не мог прийти в себя, когда узнал, что первое произведение написано двадцатидвухлетним юношей, а второе – всего через три года. Раздумья об исторических судьбах Грузии и порывы его крылатого коня, остающегося ключевым символом грузинской историософии, приобщили меня, благодарного читателя, к неведомой ранее мысли о том, что подлинный патриотизм требует освобождения от иллюзий. Мощный грузинский романтик, предельно искренний в своей исповедальности, взял рекордную нравственную и эстетическую высоту. Совсем не случайно именно в своем стихотворном «Завещании» (1915) Важа Пшавела вспомнил оба произведения: «И снова нас томит желанье / О судьбах Грузии узнать».

Николоз Бараташвили помог прочувствовать ту боль, которая в грузинской культуре традиционно выступала синонимом слова «писатель», смысловым и чувственно-эмоциональным эквивалентом писательского дела. В XX веке именно эту боль выразил Константин Гамсахурдиа в «Открытом письме Ульянову-Ленину», с которым в мае 1921 года выступил на страницах газеты «Социалист-федералист»: «Во мне говорит грузинский писатель, говорит боль грузинского народа».

В другом «Завещании» – Давида Гурамишвили – меня покорила чистый звук просветленного трагизма, безошибочно воссозданный в русском переводе Н. Заболоцкого: «Не хочу я больше лиры и свирели, / Уж не в силах петь я, как я пел доселе. / Повернулся лживый мир ко мне спиной». И дальше «Об одном молю вас, праведные люди: / Три доски на гроб мне сбейте, остругайте, / Только позолотой гроб не украшайте».

С легкой руки Расула Гамзатова, выступившего с зажигательной речью на юбилейном торжестве в Тбилиси, имя и судьба Гурамишвили окружены в Дагестане особым пиететом. После набега горцев на Восточную Грузию в 1725 г. поэт оказался в дагестанском плену, откуда бежал в Россию. Расул не упустил возможности эффектно обыграть этот исторический эпизод в своей излюбленной манере: если бы Давид не оказался в яме пленника и не прошел через такие испытания, то не родился бы великий поэт. Так что, дагестанцы считают его и своим поэтом. Поистине неисповедимы пути истории и поэтической фантазии...

Дружеские и творческие контакты связывали с Грузией и другого аварца, выдающегося живописца и графика Халил-Бека Мусаева, который в книге «Страна последних рыцарей» (1936) так поведал о причине своей эмиграции: воздух в Дагестане «становился все более гнетущим и ядовитым. Даже просто дышать им было все более тягостно, унижительно и недостойно. Поэтому, когда Советы приказали мне в 1920 году оформить поезд-люкс, предназначенный для Ленина картинами побежденного Кавказа, я со-

гласился для видимости, но при первой же возможности решил уехать в Германию».

В 1912 г. Халил-Бек поступил в школу живописи и скульптуры, основанную в Тифлисе Обществом поощрения изящных искусств, где познакомился и подружился с Ладом Гудиашвили, который позднее напишет: «Я и Халил были неразлучными друзьями. Халил считался одаренным художником и всегда заслуживал больших похвал... Его художественный почерк отличался тонким вкусом и очень своеобразным стилем... В знак дружбы нашей он подарил мне маленькую акварель «Аваринка», т.е. девушка из Аварии».

Судьба одарила дагестанского художника дружбой с еще одним великим грузином – Константином Гамсахурдиа. Она началась в Германии, куда в преддверии Первой мировой войны Халил-Бек приехал с направлением в Мюнхенскую академию художеств. Есть свидетельство об их первой встрече, которая состоялась на вилле Томаса Манна. В романе Гамсахурдиа «Улыбка Диониса» (1924) запечатлен молодой, одержимый творчеством Халил-Бек, кисти которого принадлежала картина с почти аналогичным названием «Второе пришествие Диониса». Гамсахурдиа вспоминал слова Халил-Бека («трудно быть художником в наших условиях... На Кавказе пиши хоть лучше Бальзака, рисуй лучше Гольбейна – ходу тебе не будет... Мы отрезаны от человечества»), писал об имевшей в Париже огромный успех картине Халил-Бека «Нашествие Чингиз-Хана», приобретенной на аукционе американским миллиардером.

Не могу не упомянуть один из важнейших эпизодов автобиографической книги Халил-Бека «Страна последних рыцарей». В описании теплых отношений с грузинской девушкой Ниной присутствует мотив глубоко почитаемого ею «святого образа»: «Мы пришли в православную церковь, где она таинственно подвела меня близко к алтарю, куда обычно женщины не подходили. Там висела старая икона святой Божьей матери, выполненная в строгом стиле русской церковной живописи в золотом окладе». Просьба девушки посещать церковь, «когда меня здесь больше не будет», тогда показалась странной, но Нина знала, о чем говорила. В новогоднюю ночь, когда она покончила с собой, не подозревавший о трагедии Халил-Бек услышал колокольный звон как напоминание о том, чем так дорожила Нина: «персонажи христианских преданий, а среди них будто принадлежащий к ним изящный образ Нины, прошли через мое сердце».

Что еще вспомнить помимо незабываемых книжных впечатлений?

Конечно, периодически возникавшие поучительные для меня беседы с Расулом Гамзатовым и Кайсыном Кулиевым, неизменно внимательных к теме Грузии и ее литературы. Помню, как я надоел балкарскому классику своими комментариями к прекрасной статье Гурама Асатиани в «Вопросах литературы», большая часть которой была посвящена поэзии Кайсына.

С Гурамом связано, без преувеличения, событие в моей жизни. После застолья в ЦДЛ он и Белла Ахмадулина засобирались на дачу Бориса Леонидовича Пастернака. От предложения поехать в Переделкино я, естественно, отказаться не мог. На даче Пастернака мы оставались до поздней ночи. Я был допущен к рукописным вариантам и не мог оторваться от необычайно красивого летящего почерка поэта.

В ряду подобных «остановленных мгновений» – блестящие импровизации Карло Каладзе в дни юбилейных торжеств в Махачкале в связи с вручением Ленинской премии Расулу. Я, первокурсник Дагестанского университета, не мог отделаться от ощущения, что та давняя детская встреча с грузинской поэзией продолжается...

Ее удивительным по эмоциональной насыщенности продлением стал и поэтический вечер в Тбилиси, куда я прибыл в составе делегации молодых писателей «социалистического лагеря». Был представлен цвет грузинской поэзии. Сидя в президиуме, я мог наблюдать бурную реакцию переполненного зала на всеокрушающую экспансию вдохновенного слова, на каждый неожиданный образный ход. Это был обвал энергии, освобожденной от безмолвия письменной фиксации. С каждым новым выступлением напор поэтической страсти поднимал температуру в зале, и без того высокую. Как все-таки точно сказал О. Мандельштам о «страстном темпераменте грузинской фонетики».

В грузинской культуре есть какая-то особая притягательность, та несравненность, которая позволила французскому искусствоведа Морису Рейналю так и назвать вышедшую в 1925 г. книгу о Ладо Гудиашвили: «Несравненный». Этим качеством, как и непрерывностью присутствия, отмечен один из духоподъемных сюжетов русской, российской культуры – грузинский миф, впервые, по словам О. Мандельштама, «провозглашенный Пушкиным: «Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной». Перед его обаянием не устояли многие. «Обетованная страна поэзии» (О. Мандельштам), «вторая колыбель» русской музыки (Е. Евтушенко), «страна моей любви» (Р. Гамзатов) – в интересе к Грузии всегда присутствовала особого рода сердечная привязанность. Она одухотворяла и первую поездку О. Мандельштама в Грузию летом 1920 г., и переписку Б. Пастернака с грузинскими писателями, и его пребывание в доме Паоло Яшвили летом 1931 г., и выдающиеся переводы Н. Заболоцкого, и «Грузинский альбом» А. Битова, и гамзатовское стихотворение «Над Алазанью», в котором описана встреча с кахетинцем: «И улыбнулись мы друг другу, / Не помня дедовских обид». Подобное чувство довелось испытать и мне, когда, переполненный чувствами и мыслями после прочтения книги Анны Каландадзе, я откликнулся на нее в «Новом мире». По пафосу и смыслу получилось нечто большее, чем просто рецензия.

Недавно, выступая на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Арсения Тарковского, я вспомнил его признание из статьи «Памяти Симона

Чиковани»: «Перезнакомился чуть ли не с четвертью населения Тбилиси». Оно кажется неожиданным, если не забывать о контексте его появления: «взялся за работу... переводил Чиковани, Леонидзе». Но, вдумываясь, понимаешь, что это та работа, успех которой гарантировало не столько кабинетное затворничество, сколько выпитывание, вхождение в стихию другой культуры, другой питательной среды («разговор не по-русски у меня за плечом»), вне которой поэтическому слову не дано существовать. Перевод превращался в ценнейший опыт взаимоузнавания, когда отношение русского поэта к грузинскому собрату перерастало границы творческого сотрудничества, превращаясь в нечто более значительное: «А я любил его, и мне он был как брат». Братом назван Симон Чиковани.

События последних пятнадцати лет, когда обозначилась перспектива сужения горизонта и заметно ослабла воля к взаимопониманию как высшей ценности, отдалили нас от Грузии и ее литературы, но никак не отделили. Рухнуло державное единство, но никто не в состоянии отменить единство культурного пространства, в пределах которого границы обладают волшебным свойством сближать, а не разъединять.

Культура была и останется самым эффективным способом перманентного расшатывания разделительных рубежей. Она всегда «над» – над враждой, скандалами, противоречиями, обидами, над геополитической неразберихой, оставаясь той «всеединящей силой», о которой говорил Ф. Достоевский. Ее невозможно запереть в пространстве политически злободневных решений. Стратегия культуры, обусловленная ее природой, в том, чтобы оставаться системой взаимоотражающих зеркал. Напрашивается хрестоматийный пример взаимоотражающего культурного синтеза из XVIII века. Армянин Арутюн Саядян прожил в Грузии, был придворным поэтом Ираклия II, писал на армянском, грузинском и тюркском языках под псевдонимом Саят-Нова. Даже в строгой «Литературной энциклопедии» (1929) его представили не в привычной связке с этническим происхождением, а как «народного поэта (ашуга) Закавказья».

Энергетика человеческой, то есть культурной, солидарности неистребима. Призыв поэта «стереть случайные черты» отсылает к пониманию сущностных вещей, к идее нерушимой совместимости национальных культур: их «неслиянность» органично сосуществует с их «нераздельностью». Сама мысль о грузинской литературе, о ее символическом капитале, прочно и надежно «инвестированном» в сферу российско-грузинских отношений, несет в себе пафос преодоления барьеров взаимонепонимания. Многие представители российской многонациональной культуры могли бы повторить как свои слова Б. Пастернака из его письма П. Яшвили от 30 июля 1932 г.: «...мне Грузии не обойтись...»

Корни национальных культур переплетены в большей степени, чем мы предполагаем...

Беседовала **Донара КАНДЕЛАКИ**

Б.Бакурадзе

И.Кобзон, Т.Канделаки

Т.Гвердцители

«И ДРУЗЕЙ СОЗОВУ, НА ЛЮБОВЬ СВОЕ СЕРДЦЕ НАСТРОЮ...»

го фейерверка – выступления вокального ансамбля «Картули хмеби» и квартета «Форте», народной артистки Грузии и России Тамары Гвердцители, патриарха грузинской эстрады, певца и композитора Джемала Сепиашвили, замечательной исполнительницы Нукри Капанадзе и молодой талантливой певицы Лики Хантадзе. Они исполнили популярные грузинские и русские песни. Темпераментными грузинскими танцами порадовал зрителей московский хореографический ансамбль «Золотое руно», а образцами высокой моды – модельер Бакур Бакурадзе. Вели концерт народный артист СССР Иосиф Кобзон и известная телеведущая Тина Канделаки.

«Музыкальный мост связал Грузию и Россию», «В

Около двух тысяч зрителей, заполнивших до отказа Светлановский зал Международного Дома музыки, стали свидетелями незабываемого музыкально-

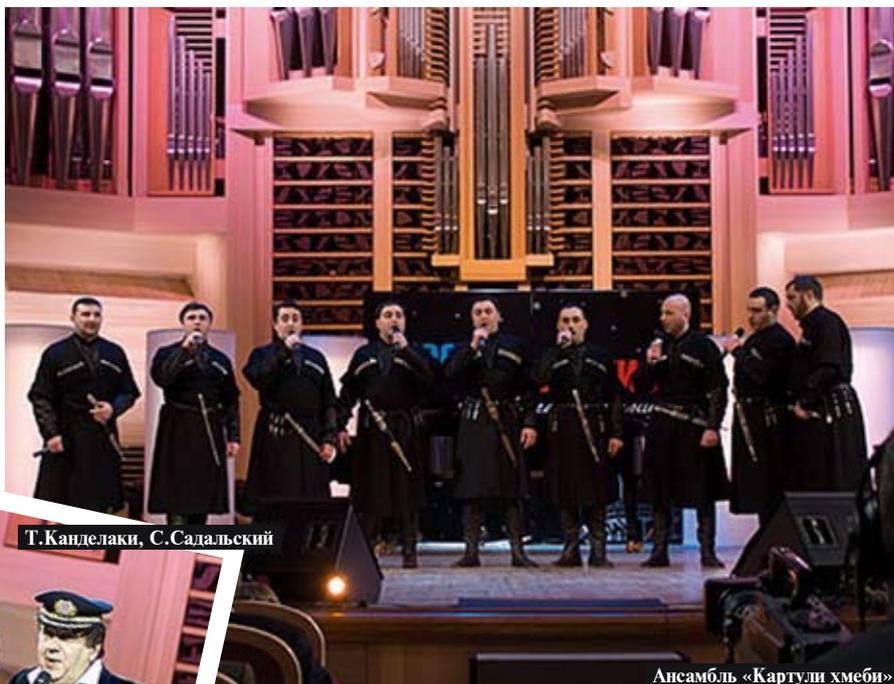
Москве состоялся праздничный концерт звезд российской и грузинской эстрады», «Москва – Тбилиси – связь есть...», «Праздник грузинской эстрады», «В Москве прошел праздничный гала-концерт «Москва-Тбилиси», «Грузия на Красных холмах» - это заголовки ведущих московских газет и радиостанций.

На самом деле, этого события ждали давно. И оно свершилось. 19 января, в праздник Крещения Господня на московскую землю высадились «звездный десант» грузинской эстрады. Концерт «Москва-Тбилиси», организованный Союзом грузин в России, длился больше четырех часов и имел оглушительный успех.

На пресс-конференции, устроенной незадолго до начала представления, президент Союза грузин в

даже горячим и удивительно ностальгическим. «Вы не представляете, как москвичи скучают по Грузии, - делится впечатлениями художественный руководитель квартета «Форте» Нуца Джанелидзе. - Нам устроили прекрасную встречу. Воспоминания остались самые радостные. И я думаю, что российские журналисты зря окрестили этот концерт началом новых отношений между нашими странами. Это, скорее, начало воспоминаний с первой мажорной ноты».

Ведущие концерта – особая статья. Иосифа Кобзон с Грузией связывают многолетние и самые теплые воспоминания. «Тбилиси» Р.Лагидзе в его исполнении и открылся вечер. Ну, а Тина Канделаки выразилась коротко: «Наконец-то!» Ведущие подняли за здоровье грузинского и российского народов бокал запрещен-

Т.Канделаки, С.Садальский

Ансамбль «Картули хмеби»

Н.Капанадзе

России Михаил Хубутия заявил: «Концерт такого масштаба удалось организовать впервые за последние 15-20 лет и его основной целью было напомнить о неразрывности российско-грузинских культурных и исторических связей. Россия стала второй родиной более чем для миллиона грузин, с этой страной у нас исторически сильные культурные связи, нам нужно делать все возможное во благо укрепления дружбы и взаимопонимания между нашими государствами». К нему присоединился руководитель Комитета межрегиональных связей и национальной политики города Москвы Алексей Александров. Его слова о неизменности духовной близости русского и грузинского народов зал поддержал аплодисментами.

После официальной части начался концерт. По словам очевидцев, событие получилось ярким, теплым,

но «Боржоми». Кобзон вспомнил военную службу в Манглиси и свою первую любовь по имени Ламара, а Тина Канделаки со смущением призналась, что уже два года не была в Тбилиси. «Год начался очень хорошо. Постараемся продолжить его в том же духе и будем проводить как можно больше таких концертов», - отметил певец, который в тот вечер радовал публику своим исполнением как на русском, так и на грузинском языках.

Затем на сцену вышли «Картули хмеби». В программе – традиционные и столь любимые всеми городские и фольклорные песни. По словам солиста ансамбля Кахи Григалашвили, впечатления от концерта остались самые наилучшие. «Мы исполнили известные наши песни. Очень приятно было смотреть, как пожилые женщины подпевали, молодые, не вставая с кресел, пританцовывали, а мужчины с достоинством поглядывали по сторонам». Дуэтом с «Картули хмеби» спела две песни Нукри Капанадзе. Ее манера исполнения стала настоящим открытием для присутству-

ющих. Нукри – кавалер Ордена Чести, народная артистка Грузии, признается: «У меня нет музыкального образования, я не знаю, где находятся ноты до, ре, ми. В третьем классе я пришла к маме и сказала, что больше не пойду в музыкальную школу. Но, у меня в семье большие музыкальные традиции. И я со временем стала петь. На мой взгляд, чтобы хорошо петь, нужно, чтобы чувство было настоящее. Я не люблю, когда манипулируют техникой. Искренность можно выразить только глазами. Больше ничего. Подтанцовки, лишние вещи абсолютно не нужны. Я просто стараюсь следовать этим правилам. Вот и весь секрет успеха, - смеется певица.

В середине программы зрители увидели показ высокой моды от успешного грузинского дизайнера Бакура Бакурадзе. Изящные силуэты, лаконичные линии, преобладающий черный цвет одежды – характерные черты моделей, представленных на вечере. Сам дизайнер утверждает, что «женщина от Бакурадзе должна быть женственной во всем». «Я давно не был в Москве, - рассказывает Бакур, - и мне захотелось пройтись по арбатским улочкам. Я специально разговаривал с местными жителями, расспрашивал их. И уж точно не чувствовал себя «лицом кавказской национальности». Настоящая Москва и та, о которой нам пытаются рассказывать отечественные СМИ – совершенно противоположные понятия. К грузинам в Москве относятся хорошо и тепло, а весь истерический фон создается не в меру эмоциональными журналистами и политиками. Уж не знаю, для чего. Что же до самого концерта, то в Москве ежедневно проходит до 20 очень заметных культурных событий, и когда мы приехали, меня удивило обилие афиш, посвященных концерту «Москва-Тбилиси». То есть в Москве к этому событию отнеслись как к чему-то значимому и интересному. Это очень радует. Ну, а больше всего меня удивили звонки от десятков друзей из Петербурга, которые умоляли достать билет на концерт. Я и не предполагал, что у меня столько знакомых в России. Увы, все билеты были распроданы за месяц до того, как поднялся занавес».

Ожидали зрителей и незапланированные сюрпризы. Популярный и безмерно влюбленный в Грузию Станислав Садальский, сраженный обаянием Тины Канделаки, не усидел в партере и, буквально выскочив на сцену, спел несколько песен. Разумеется, про любовь.

Тамару Гвердцители называют певицей вне времени и пространства. Ее участие в вечере сделало его поистине праздничным. В столь любимом грузинками черном платье муза композитора Мишеля Леграна была неотразима. Ее песни, спетые красиво и с душой, не оставили равнодушным никого. А с песней Эки Квалиашвили «Ра вигоно» перед зрителями предстала начинающая певица Лика Хандадзе, студентка знаменитой Гнесинки.

Итак, все сошлись во мнении, что подобные мероприятия необходимы и что несут они не только эстетический, но и гораздо больший моральный, и если

угодно, межнациональный заряд. «У концерта «Москва-Тбилиси» была совсем иная нагрузка. И мы должны постараться ее сохранить», - подчеркнул солист квартета «Форте» Зураб Манджavidзе.

На концерте была исполнена песня Джемала Сепиашвили «Дарите друг другу тюльпаны», ставшая ког-

На пресс-конференции

да-то своеобразным откликом на события 9 апреля. У многих на глазах выступили слезы. Ведь, в основном, на концерте присутствовали представители многочисленной грузинской диаспоры как Москвы, так и регионов России. На пресс-конференции маэстро отметил: «Российские исполнители продолжают пользоваться неизменным успехом в Грузии. В качестве примера напомним, что в Тбилиси в эти дни состоится большой вечер, посвященный памяти Владимира Высоцкого, организованный Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб», а русские песни неизменно входят в репертуар грузинских исполнителей. Этот концерт возник в результате взаимного интереса, любви к искусству и традициям народов, которые были близки во все времена, и поныне грузинские и русские таланты украшают сокровищницу мировой культуры».

Уже к завершению концерта, в ответ на многочисленные искренние слова благодарности Михаил Хубутия сказал: «Наша диаспора приложила немало усилий, чтобы состоялась эта встреча с известными и молодыми представителями грузинской эстрады. Мы не должны забывать свою историческую родину, язык, культуру, которые в самые трудные времена способствовали национальной самоидентификации. Мы не старались подстроиться ни под какие политические события и даты, мы хотели собрать друзей за одним столом, спеть песни и признаться друг другу в дружбе и любви».

Завершился вечер многоголосным «Мравалжамьер», заставив многих по обе стороны Кавказского хребта поверить, что у этой истории будет продолжение.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

17 января в Рейкьявике на 65-м году жизни по причине почечной недостаточности скончался одиннадцатый чемпион мира по шахматам Роберт Джеймс Фишер

«Меня зовут Роберт Джеймс Фишер. Пижоны и друзья называют меня также Бобби. Я – профессионал. Я играю в шахматы. Это серьезное дело. Ничего другого делать я не умею, но что умею, делаю как полагается. Я родился под знаком Рыбы. Я – крупнейшая рыба, проглатывающая гроссмейстеров, это занятие как раз по мне. Деньги я люблю. Я мог бы играть с любым пижоном на ставку – доллар или два, но я хочу стать чемпионом мира».

Так в середине 60-х годов представлялся газетчикам один из величайших шахматистов, четко формулируя цель и средства, в выборе которых не всегда был особенно разборчив. Считаться с собой за шахматной доской он заставил рано. В 16 лет чемпион США – участник турнира претендентов на мировое первенство в Югославии, который принес победу Михаилу Талю и большое разочарование ему самому. Фишер проиграл будущему шахматному королю все четыре матчевые партии, хотя в последней был близок к победе. Много гроссмейстеров толпилось у подножия Олимпа. Они оттеснили юного вундеркинда, кото-

рый, разочаровавшись после неудач, несколько раз выходил из большой игры. Но недаром за Фишером еще в молодости замечали, помимо огромного шахматного дарования, поистине божьего дара, еще и бескомпромиссность и честолюбие, перед которыми расступаются любые преграды.

Вспоминается начало 1971 года, когда Макс Эйве, только вступивший в равно почетные и трудные обязанности президента Международной шахматной федерации, приехал в Москву. На встрече в Центральном Доме журналиста знаменитый голландец

на вопрос, кого он считает самым выдающимся из чемпионов мира (а на вечере присутствовали четыре шахматных короля разных лет Ботвинник, Смыслов, Петросян и Спасский), не задумываясь, назвал Фишера, повергнув в смущение хозяев. Американец к тому времени был претендентом на корону, но уже через год в Рейкьявике она упала ему в руки. Победив Спасского, одиннадцатый в истории шахмат чемпион мира исчез со спортивной арены непобежденный. Ушел, обиженный на ФИДЕ, на весь белый свет, хотя ряд его требований накануне матча с Карповым был удовлетворен.

И заплатился за это в 1975 году дисквалификацией, лишившей его главного – фанатично любимых шахмат.

«Не будет ли это подлинным событием века, если все мы вновь сможем удивляться и восхищаться гением Бобби Фишера?», - спрашивал гроссмейстер Лотар Шмид, главный арбитр матча на первенство мира в Рейкьявике.

И вот 49-летний нелюдимый гений, выйдя из добровольной самоизоляции, заточения, двадцать лет спустя вновь заставил заговорить о себе. На острове Свети Стефан в Адриатическом море 2 сентября 1992 года начался сенсационный матч Фишера со Спасским, поддерживающим с ним дружеские отно-

шения. Похоже, что югославскому мультимиллионеру Ездимиру Васильевичу, вложившему в матч около десяти миллионов долларов, удалось сделать то, что многие годы пытался сделать всемогущий президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес – вернуть Фишера шахматам.

«Нью-Йорк таймс» писала: «Подумайте о Боснии, оккупированной формированиями, которые пользуются поддержкой Сербии. Теперь подумайте о шахматном гении Роберте Фишере, который в нарушение санкции ООН и самого приличия играет в Сербии ради денег матч против своего главного соперника Бориса Спасского».

Фишер не был бы Фишером, если бы его оставило мнение даже такой влиятельной газеты, как «Нью-Йорк таймс». На пресс-конференции перед открытием матча он демонстративно плюнул на послание Госдепартамента США 21 августа, запрещающего ему играть. Одновременно с предъявлением обвинения был выписан ордер на арест Фишера. По заявлению в Вашингтоне представителя генерального прокурора страны Джея Стефенса, действия властей не просто символический акт, хотя попытка заставить Фишера вернуться в США признавалась достаточно иллюзорной. Экс-чемпиону мира пригрозили десятью годами тюремного заключения, штрафом в 250 тысяч долларов и конфискацией премии за победу в матче (3,35 миллиона долларов). «Политика не вправе опекать шахматное искусство» мог бы сказать Фишер, вспомнив поступок своего соотечественника, американского писателя Уильяма Сарояна, отказавшегося от престижной Пулитцеровской премии со словами: «Коммерция не вправе опекать искусство».

Теперь Фишеру не оставалось ничего другого, как выигрывать, приурочив победу к национальному празднику 500-летия открытия Америки Христофором Колумбом.

Говоря о сенсационном характере соревнования, я имею в виду прежде всего сам факт возвращения к практической игре американского гроссмейстера, о котором два десятка лет просачивались в прессу скудные сведения, а теперь каждый вечер миллионы людей во всем мире могли видеть его на экранах своих телевизоров. Необыкновенной популярности Фишера способствовали не только его выдающиеся победы, среди которых завоевание титула сильнейшего шахматиста мира, присуждение шахматного «Оскара» в 1970-1972 годах, множество первых призов самых престижных турниров, но и нездоровый интерес пишущей братии к судьбе вундеркинда. С годами писателями и журналистами создавался стереотип шахматного монстра с горящими глазами, убийцы за шахматной доской наподобие Мирко Чентовича, героя новеллы Стефана Цвейга. Между тем, Фишер человек исключительно вежливый и корректный в общении за шахматной доской.

Вспоминаю рассказ гроссмейстера Эдуарда Гуфельда, который в 1982 году вместе с чемпионкой мира Майей Чибурданидзе играл в югославском го-

роде Винковци на мемориале трагически погибшего Пустонича. 14 лет назад здесь с блеском выступил Фишер, завоевав первый приз. Как-то в свободный от игры день шахматисты из Грузии воспользовались приглашением инженера Анжелко Билаича и посетили его дом. Инженер близко знаком с Фишером, но рассказать о нем поначалу отказался, не имея на то согласие американского чемпиона. Однако после того, как Гуфельд заметил, что многие подробности из жизни выдающихся людей остались неизвестными, если бы все придерживались обета молчания. Анжелко с ним согласился и рассказал, что как-то привез Фишера к своему приятелю, малолетний сын которого увлекался шахматами. Когда взрослые встали из-за стола, мальчик попросил Фишера сыграть с ним в шахматы. Американец смутился: в те годы мало кто из взрослых отваживался бросить ему вызов. Билаич рассказал, что по дороге домой Фишер был непривычно молчалив, а потом, уступая расспросам, признался, что думал о том, правильно ли поступил, выиграв у ребенка все шесть партий. Он даже испугался, что проигрыш с «сухим счетом» может отбить у мальчика интерес к шахматам. И Фишер, отказавшись от мысли подарить ребенку ничью, все же выиграл эту партию, не дав ему усомниться в искренности взрослых.

Удивительная история. В ней Фишер предстает в совсем ином свете. К слову сказать, Гуфельд одним из первых сказал правду о великом американце. Мы с ним как-то одновременно в 70-х пришли к выводу: будущие поколения должны иметь правдивое представление об одиннадцатом чемпионе мира, а для этого надо по крупицам собирать связанное с ним. Может быть, потому в Сиэтле, куда Чибурданидзе и

Чемпионат США. Нью-Йорк. 1958г.

Гуфельда в составе советской делегации пригласили для популяризации Игр доброй воли 1990 года, американцы их спрашивали: «Как там Фишер?» Хозяйев интересовалась правда. Получалось, что Фишера прятали от американцев. А ведь оба летели за океан в

надежде встретиться с шахматистом-затворником. Фишера они видели, но другого – Джимми Фишера, сотрудника оргкомитета Игр доброй воли. Каждый раз, когда Джимми звонил и говорил, что у телефона Фишер, по признанию Гуфельда, он невольно вздрагивал: а вдруг?.. Ведь Пасадена – пригород Лос-Анджелеса...

Мы так и назвали главу в нашей книге о Майе Чибурданидзе – «Мы ищем Фишера».

Лишены серьезных оснований попытки подозревать американца в чрезмерной алчности. Позвольте, могут мне возразить, а как объяснить, что Фишер едва не сорвал матч на первенство мира со Спасским, требуя удвоить сумму призового фонда? Согласитесь, что по нынешним меркам (призовой фонд матча в Югославии составлял 5,5 млн долларов) 125 тысяч долларов – сумма довольно мизерная на фоне миллионных гонораров «звезд» бокса, баскетбола, гольфа и тенниса. Требуя увеличить приз, Фишер преследовал одну цель – поднять значимость матча, а значит, и шахмат. Малоизвестен факт, что Фишер после победы в Рейкьявике отказался от 10 миллионов долларов за право использовать его имя в рекламном деле.

А как быть с утверждением, что Фишер ушел из шахмат из боязни возможного проигрыша? Обвинение серьезное. Его разделял, в частности, такой авторитет, как Михаил Ботвинник. И все же хочется напомнить, что за свою блистательную карьеру Фишер сыграл в различных соревнованиях 781 партию и набрал 567 очков или 73 процента. Этот результат позволяет признать его одним из самых выдающихся шахматистов всех времен. Необычайно высокий рейтинг, достигнутый американским гроссмейстером, первым смог превзойти Каспаров. Так что Фишер выигрывать всегда умел, рассматривая шахматы как искусство и являя собой образец шахматиста-универсала, отстаивающего принципы классической школы.

Весной 1966 года, перед началом первого матча на первенство мира между Петросяном и Спасским, на страницах еженедельника «Неделя» состоялся их

словесный поединок, своеобразный блиц-турнир вроде разминки капитанов в телевизионном КВН. Отвечая на вопрос, какой район какого города нравится ему больше всего, чемпион мира Петросян, попросив не посчитать за нескромность, назвал Большие бульвары Парижа в летний вечер. Сердцу Спасского были дороги старые районы нынешнего Санкт-Петербурга. Сейчас привязанности Спасского изменились, и он вполне мог бы ответить по-петросьяновски. Уже проиграв матч Фишеру, Спасский познакомился в Москве с француженкой русского происхождения Мариной Щербачевой, дед которой был участником Цусимы, а родители бежали в эмиграцию от коммунистического рая, обещанного большевиками... Так Спасский женился в третий раз и стал французским гроссмейстером. Обращало внимание совпадение точек зрения обоих интервьюируемых в определении современного зарубежного гроссмейстера номер один – и Петросян и Спасский назвали Фишера.

Много упреков пришлось выслушать Спасскому после Рейкьявика, хотя проиграть Фишеру не зазор. Власть предрержащие гневались. Союзный министр внутренних дел Щелоков высказался предельно откровенно: «Как же вы отдали корону американцу? Я бы всех, кто там был со Спасским в Рейкьявике, арестовал». И арестовал бы, если б разрешили. Выходит, повезло всем, кто на матче не был. Но и тем и другим приходила в голову крамольная мысль: а почему Спасский не отказался от матча после неявки Фишера на открытие, жеребьевку, первую и вторую партии? Он остался джентльменом, согласившись с требованием американца играть третью партию в закрытом помещении, без зрителей. Чемпион мира ее проиграл, а следом за ней – пятую, шестую, восьмую и десятую партии. Судьба матча определилась, и можно было собирать чемоданы.

Спасский остался, чтобы спасти матч, хотя это была не его игра. Остался не ради долларов, которые из сейфов английского банкира-мецената Слейтера должны были перейти в его карманы, и вовсе не для того, чтобы убедиться, как это Фишеру во время игры удается поддерживать радиосвязь с американскими кораблями, якобы имеющими на борту ЭВМ, напигированные шахматной программой. Побудила его остаться любовь к шахматам.

Вспомним, как лихорадило Спасского в том многострадальном матче. В Москве хватались за головы, готовили дипломатические и недипломатические ходы. Считалось, что уступив Фишеру во всех его требованиях, Спасский проиграл шахматную корону еще до начала матча.

И речь шла не только о разборе шахматного кресла, привезенного американцем в Исландию, которое действительно разобрали, обнаружив пустоту и пару дохлых мух. Фишер тогда нервничал, выдвигая новые требования, подчас срывая свое настроение на случайных людях. Во время игры он потребовал от судьи вывести из зала семилетнюю девочку за то, что она, сидя в первом ряду, лакобилась монпансье. «Но я

только четыре конфетки съела!» – заплакала девочка. «Не четыре, а шесть, маленькая лгунья! – хладнокровоно парировал Фишер, оторвав взгляд от шахматной доски. – Ты думаешь, я не считал?»

Таким он был в жизни и за шахматами, непред-

Финальный матч претендентов. Буэнос-Айрес. 1970г.

сказуемый Фишер, который в Черногории заявил, что готов признать Спасского чемпионом мира в случае победы в матче. Эта откровенность, конечно, не привела в восторг Каспарова, но свидетельствовала о серьезности намерений обоих участников.

Возвращение Фишера в большие шахматы вызвало надежду у поклонников древней игры. Не вдаваясь в подробности мотивов поведения затворника Пасадены, а потом Франконской Швейцарии, Германии, Венгрии, можно с уверенностью сказать: уход Фишера лишил шахматы многих шедевров. Теперь, задумавшись над позицией, при пущенных новых шахматных часах, которые он изобрел и запатентовал, Фишер должен был доказать, что все еще способен блистать. А может быть, он просто намеревался играть в свое удовольствие, награждая себя за долгий шахматный пост.

Уже первая партия показала, что Фишер с годами сохранил не только отменное здоровье, но и былую шахматную силу. Удивил не результат – Фишер давно приучил к своим победам, но само качество его игры. Как отмечали специалисты, американец времени зря не терял и играть стал сильнее. Успех этот на Манхэттене расценили как триумфальный. Но так считали не все. Каспаров в беседе с корреспондентом Франс Пресс нелестно отозвался о качестве игры в югославском матче. Возможно, чемпион мира просто возвращал долг Фишеру, который, как писали репортеры «Штерна», комментируя игру Каспарова с Карповым в севильском матч-реванше, объявил Каспарова слепым, за считанные секунды опровергая варианты

чемпиона мира.

Московское телевидение в спортивном уик-энде познакомило тогда зрителей с мнением Алексея Суэтина, который высказался в том роде, что Фишер, дескать, не тот. Конечно, 65-летний обозреватель газеты «Правда» мог предположить, что 49-летний Фишер с возрастом утратил шахматную силу, но, как говорил в таких случаях Таль, сам американец так не считал. А Спасский – он тот или не тот? Обвинить сразу двух чемпионов мира в том, что они разучились играть в шахматы, Суэтин, понятно, не захотел. В подобных случаях цирковые борцы в начале века прибегали к «гамбургскому счету», когда, сбросив маски, выходили на ковер и в открытом поединке доказывали свою правоту и истинную силу. Но вряд ли Фишер захотел играть матч с Суэтиным.

На первой еженедельной пресс-конференции, предусмотренной регламентом матча, Спасский выразил удовлетворение возвращением Фишера к активной шахматной игре: «С его уходом мы потеряли истинного короля шахмат. А теперь и ко мне вернулось желание играть». Спасский откровенно продемонстрировал это свое желание, нанеся сопернику два сокрушительных нокаутующих удара, от которых тот, казалось, долго не придет в себя. Проиграв четвертую и пятую партии, Фишер был близок к поражению и в шестой. Во всяком случае, только на седьмом часу игры он смог облегченно вздохнуть, убедив

Матч Спасский – Фишер. Рейкьявик. 1972г.

соперника в коварстве ладейных окончаний, которые, как учит один из самых популярных (и неверных!) шахматных афоризмов, все ничейные. Эта ничья, добытая американцем в поте лица, прибавила ему уверенности и основательно испортила настроение самому Спасскому, который проиграл седьмую и восьмую партии. Счет в матче скакал, как стрелка барометра перед бурей: теперь лидировал Фишер, поражения которого

готовы были объяснить двадцатилетним тайм-аутом непобежденного чемпиона.

А как тогда объяснить новые его победы? Югославский матч Фишер на пресс-конференции с журналистами потребовал называть чемпионатом мира-92 и матч-реваншем XX века. Себя он продолжал считать чемпионом мира, а Спасского – претендентом. И так требовал их представлять в прессе. Непокорным журналистам он пригрозил ни мало ни много лишением аккредитации на матче. Не знаю, как насчет столетия, но матч-реваншем одной

ввиду явного преимущества Фишера. Окончательный счет матча 10:5 в его пользу.

Оба участника не подтвердили мнения Каспарова, назвавшего их шахматными пенсионерами. По отзывам специалистов, уровень игры был достаточно высок, что заставляло вновь задуматься над вопросом: какое место занимает Фишер в мировой таблице о рангах. После победы над Спасским он мог снова возглавить список сильнейших шахматистов планеты. Но этого ему показалось мало. У шахматисток аналогичный реестр выводит на первое место младшую из сестер Полгар – Юдит, двукратную олимпийскую чемпионку, обладательницу шахматного «Оскара» за 1988 год. Фишер готов был играть с ней товарищеский матч, подкрепляя свои претензии считаться абсолютным чемпионом. Подобного соревнования история шахмат еще не знала.

И не узнала. Последующие годы жизни опально-

го шахматиста свелись к сведению счетов с его бывшей родиной – США, чей престиж он отстоял в матче против советского чемпиона мира. После их повторного матча 1992 года налоговое ведомство и Госдепартамент США обвинили Фишера в нарушении бойкота Югославии и уклонении от уплаты налогов.

В декабре 2003 года Госдеп США официально объявил об аннулировании американского паспорта Фишера, еще через полгода он был арестован в японском аэропорту и помещен в тюрьму для нелегальных иммигрантов, где провел восемь месяцев. И был освобожден в 2005 году после согласия Рейкьявика, помнившего триумф Фишера 1972 года, предоставить ему убежище и исландское гражданство.

Из Рейкьявика пришла и самая горестная весть о Фишере, оставившем человечеству свои бессмертные и вечнозеленые партии и две книги – «Мои 60 памятных партий» (1969) и «Бобби Фишер учит играть в шахматы» (1972), которым не грозит забвение. Адресованы они всем, кто любит шахматы.

Всех их он считал своими друзьями.

Арсен ЕРЕМЯН

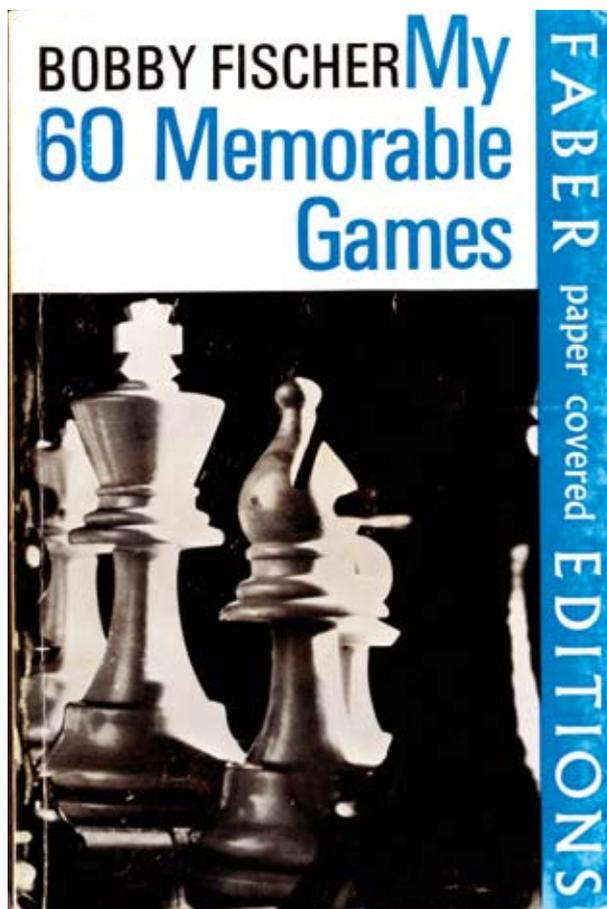

Будапешт. 1992г.

недели он стал. Так, в ходе пресс-конференции Фишер на вопрос, каким он видит Спасского спустя двадцать лет после их встречи в Рейкьявике, обронил загадочную фразу: «Удивлен, но Борис с тех пор почти не изменился». Как это изволите понимать? Как комплимент шахматной силе соперника или скрытую издевку?

На другой пресс-конференции, в Хельсинки, Гарри Каспаров заявил, что готов играть матч с Фишером, не уточнив при этом, какой статус будет определен их поединку. Два условия он все же оговорил – наличие солидного спонсора и проведение шахматного спора в цивилизованной стране.

Вторая большая сенсация была зафиксирована в самом матче, где последние партии прошли под знаком сильнейшего штурма отнюдь не тихого американца. Соревнуйся соперники в квадрате ринга, рефери со спокойной совестью мог остановить поединок

Евгений Евтушенко

«Между нашими народами есть самое главное — духовная и культурная совместимость»

В нынешнем году Евгению Александровичу Евтушенко исполняется 75. Помнится, пять лет назад поэт приехал в Тбилиси, чтобы на сцене театра оперы и балета имени З. Палиашвили отметить свой 70-летний юбилей. Творческий вечер Евтушенко привлек огромное количество народа — как и в начале его пути, когда поэт был на гребне славы движения шестидесятников.

- Евгений Александрович, могли бы вы сегодня повторить слова, сказанные когда-то: «Если б я не родился русским, то хотел бы родиться грузином»? В чем, по-вашему, сущность грузинского национального характера?

- Такие слова о Грузии я смогу повторить не только сейчас, но всегда. В любых обстоятельствах любовь к народу выше текущей политики — и к собственному, и к народу другой страны. Мои друзья подсчитали, что я был в Тбилиси не менее ста раз. Такого у меня не было во взаимоотношениях ни с одним городом в мире. Я люблю искусство грузинского народа, начиная с народных песен, с великого многоголосья, танцевального фольклора, великих актрис Наты Вачнадзе и Софики Чиатурели, поэзию от Руставели до Отара Чиладзе, великого Атоса грузинской прозы — Чабуа Амиреджиби, улыбающегося из вечности Нодара Дум-

бадзе, живопись Пиросмани, Гудиашвили, Какабадзе, музыку Канчели, полет Чабукиани, театр Роберта Стурра, драгоценную голову Мамардашвили, кино Тенгиза Абуладзе, футбол Пайчадзе, Дзеджелавы, Месхи, Кипиани, люблю хаши, кучмачи, пхали, джонджоли, которым со мной всегда делился Булат Окуджава. Сам готовлю великолепно аджапсанда, тоскую по настоящему Аладастури, пахнущему грузинской сырой землей, по моему самому родному, воистину пушкинской легкости царскому вину, как говорил мой покойный друг, сухумский гений-винодел Гамисония. Ныне, увы, исчезнувшему золотисто-воздушному Чхавери, у которого привкус поцелуя любимой женщины. Что бы ни говорили об Эдуарде Шеварднадзе, я считаю его великой трагической фигурой истории двадцатого века — это во многом благодаря ему была поднята международная репутация Грузии, разрушена Берлинская стена — главная угроза миру посередине Европы. Благодаря ему был поставлен и выпущен к зрителю бессмертный шедевр кинематографа «Покаяние». Грузины — всемирные чемпионы гостеприимства. Мой лучший друг — Джумбер Беташвили, зверски убитый во время кроваво-бессмысленной грузино-абхазской войны, был человеком, достойным памятника и в Тбилиси, и в Сухуми, за то, что стольких и абхазцев, и грузин спас во время этого обоюдного затмения разума и совести.

- С чего началось ваше соприкосновение с грузинской поэзией, культурой — постижение ее Космопсихологоса, если использовать термин Георгия Гачева? Что стало для вас откровением? Как изменилось со временем ваше отношение к этой стране?

- Космопсихологос — это слишком вычурно для меня, сибирского провинциала с маленькой сибирской станции Зима. Всегда есть тайна в любви — к женщине, к народу. И секрет этой любви сразу упрощается объяснением. Оба наших народа, находясь в неестественной изоляции друг от друга, теряют очень многое. При всей разнице наших культур у нас есть самое главное — духовная и культурная совмести-

мость.

- Действительно ли Грузия для вас – место, где вы слышали (и слышите) подлинную, нефальшивую ноту, где находили природность, духовность, нравственную чистоту, где чувствовали себя «свободным от пут и клевет»?

- Грузия зарядила меня на многие годы вперед ренессансным ощущением жизни, которое мне преподавали своей дружбой мои грузинские друзья. Я редкий долгожитель в поэзии – и это наверняка подарок Грузии. Но насчет того, что только Грузия была единственным местом, где я ловил чистую, нефальшивую ноту – это неправда. Не надо обижать все остальное человечество. В каждой стране – увы! – есть

и фальшивые ноты, и, слава Богу, чистые. В России тоже. Но все-таки воплощением каждого народа являются его лучшие люди.

- Что вы более всего цените в грузинской поэзии?

- Это неправда, что я начал переводить грузинскую поэзию «не от хорошей жизни». Я начал

это я, а не он защитил от партийных нападков Мухрана Мачавариани, когда его обвиняли в национализме, и, по-моему, это я вместе с Шеварднадзе пробивал сквозь цензуру «Покаяние» в Москве, где фильм упорно не хотели выпускать, и, по-моему, это я, а не он открыто выступал против наших танков в Праге и против войны в Афганистане, унесшей в Лету столько совсем еще юных солдат – и русских, и грузин. И вдруг он меня стал обвинять в том, в чем я открыто, в отличие от него, обвинял сам.

Горько видеть, как легко забываются старые дружбы. Но я хочу верить в то, что традиционное братство грузинских и русских поэтов возродится, а через него – и наших народов.

- Как Вы относитесь из дня сегодняшнего к своим старым грузинским переводам? Изменилось ли Ваше переводческое кредо: «Не страшен вольный перевод...»? Как вы воспринимали полемику, развернувшуюся некогда на страницах «Литературной Грузии» вокруг ваших переводов? Кто из переводимых грузинских авторов Вам особенно близок?

- Конечно, идеал – это музыкально и смыслово точный перевод. Но стихотворение переводимое должно вторично родиться на другом языке. Фантазию можно и нужно прощать – в переводах страшно допустить тошнотворно скучную точность. Гениальный пример точного и блистательного перевода – это лермонтовское «Горные вершины» или перевод петербуржанкой Оношкевич-Яцун киплингского «Марша», где слово «бутс,бутс,бутс» легко превратилось в «пыль,пыль,пыль».

- Почему вы сравнительно немного переводили грузинских классиков и занимались в основном интерпретацией современных поэтов?

- Я перевел раза в четыре больше грузинских поэтов, чем Пастернак. Но мне приятно, что вам это кажется недостаточным.

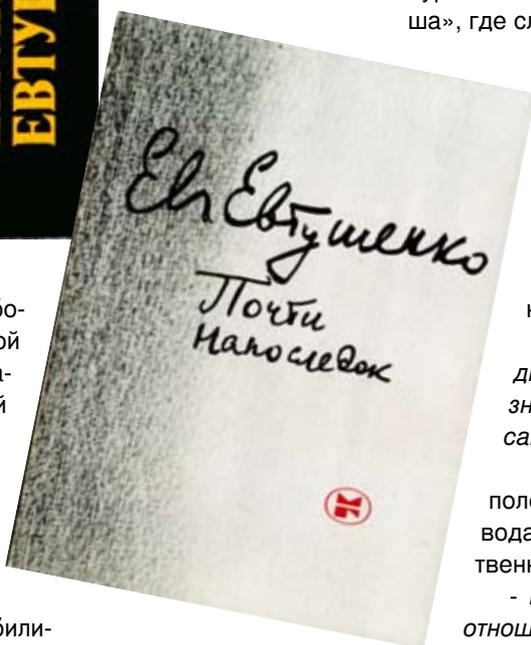
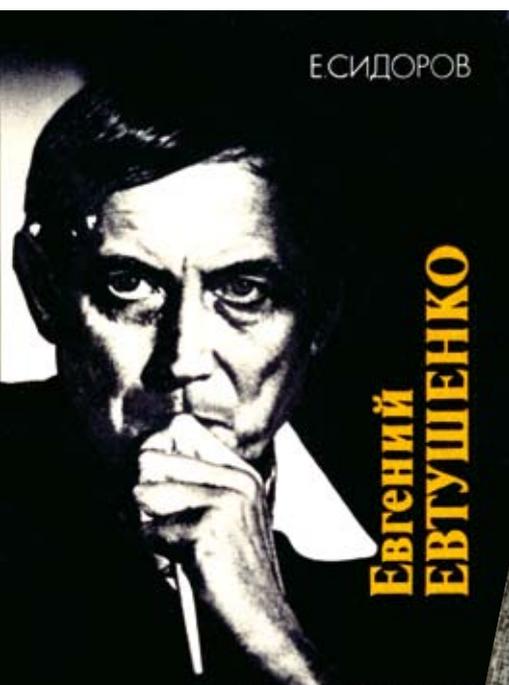
- Часто приходится слышать, что переводить по подстрочнику нельзя – необходимо знание языка. Вы с этим согласны? Как вы сами ищете ключ к переводимому автору?

- Можно не знать языка, но все-таки очень полезно хотя бы послушать ритмику. Для перевода самое главное – это хорошо знать собственный язык, а не переводимый.

- Расскажите, если это возможно, о ваших отношениях с грузинскими поэтами.

- Вспоминается история, связанная с Георгием Леонидзе. Он пригласил меня на свое шестидесятилетие. Это было во дворе его дома. Васо Годиашвили – народный артист Грузии – был назначен тамадой, я был его заместителем. Было человек сто под открытым небом во дворе дома Гоглы, как он себя разрешал звать.

Первое, что сделал Леонидзе, – объявил свое желание, чтобы все говорили по-русски в мою честь, хотя я был единственным негрузином. Никакого тут русс-

переводить ее от обожания. Мы с Беллой Ахмадулиной приехали на наш медовый месяц именно в Грузию, потому что обожали ее – и природу, и обычаи, и поэзию. Вот когда последние пару раз я встречался в Тбилиси с одним поэтом и редактором нашего поколения, имя которого не хочу называть, потому что в отличие от него помню все хорошее, что было между нами, диву давался, почему он на меня так смотрит – мрачно, исподлобья, как на когда-то отобравшего у него свободу оккупанта. И это после лет сорока нашей дружбы, когда мы делили вместе и хлеб, и соль, и общее презрение к общему нашему врагу – цензуре и бюрократии? Это за то, что я любовно перевел целую книгу его стихов? Но, по-моему,

кого диктата не было. Все это диктовали Гогле вечные традиции грузинского уважения к гостю. Все подчинились, включая пятерых его земляков из Патардзеули, так молча и просидевшие за столом всю ночь. Я знал, что тост за Сталина, да еще в доме Гоглы, должен был быть произнесен. Васо, осушивший уже не один десяток рогов, взобрался на стул уже на рассвете и произнес следующий тост: «Я пью за эту материнскую землю, подарившую нам Руставели, Важа Пшавела и нашего дорогого Гоглу и среди других прославленных людей – Иосифа Сталина! Аллаверды к тебе, дорогой Евгений!» Васо осушил очередной рог и предвкушающе поблескивал глазами – как теперь ты, Женя, вывернешься. Я тоже взобрался на стул, чтобы не ударить в грязь лицом, и произнес: «С удовольствием продолжая Ваш тост, дорогой Васо, я хотел бы только добавить к нему имена Михаила Джавахишвили, Паоло Яшвили и Тициана Табидзе, зверски замученных во время сталинского террора! Прошу почтить их память вставанием!» Все, естественно, поднялись и выпили стоя. «Молодец! Снял банк!» – шепнул мне на ухо Васо. А Леонидзе, улыбаясь, показал мне большой палец, да еще прикрыл его ладонью.

Самая запомнившаяся история из долгой дружбы с Симоном Чиковани. Звонок из аэропорта: «Женя, генацвале, я только что прилетел в Москву. На проработку, наверно. Я у нас в «Мнатоби» напечатал автобиографические заметки Бориса. И кто-то донес на меня! Как это могло произойти?» – «Симон Иванович, но ведь у вашего журнала тираж, кажется, под пятьдесят тысяч...» – «Так это же все-таки напечатано по-грузински. Как могли грузины меня предать?!» Поздно вечером он приехал ко мне немножко выпивший. «Где это вы, Симон Иваныч?» – «Как где? Все там же, в ЦК... Не исключили, но проработали.. Особенно Поликарпов. Правда, он сам и вопрос поставил, чтобы без занесения в личное дело. А потом к себе в кабинет пригласил, открыл сейф, а там водочка и бутербродики с колбаской копченой. А еще – патефон, ручкой заводящийся. Выпили, а затем он музыку поставил. Я, генацвале, прямо обомлел. Знаешь, кого он завел? Вертинского!!! У меня было такое чувство, как будто лектор-ханжа, только что читавший доклад о пользе вегетарианства, вдруг угощает тебя человеческим мясом – прямо из кастрюльки, и заодно причмокивает, как Васисуалий Лоханкин...»

Знают ли сегодняшние молодые писатели Грузии, кто такой Вертинский и герой какой книги – Васисуалий Лоханкин?

- *Российско-грузинские отношения переживают сложный период. Порой приходится слышать о неизбежности расставания двух близких народов.*

- Если нормальные люди в России и Грузии не будут подчиняться преступно разъединительным тенденциям взаимоамбициозных грузинских и русских националюг, то и сама политика будет вынуждена измениться. Не надо поддаваться на провокации. Ничто так не подрывает престиж собственных наций, как агрессивный национализм.

- *По-разному объясняют причины Вашей службы в Закавказском военном округе, результатом которой стала поэма «Пушкинский перевал». Как Вы оказались в газете «Ленинское знамя»?*

- Я был единственный рядовой из необученных, но годных в Союзе писателей и получил повестку на сборы. В это время ГлавПУР пытался запретить мою песню «Хотят ли русские войны», как демобилизующую наших солдат, и его начальники страшно разозлились, когда не удалось. Меня вызвали в ГлавПУР перед командировкой на сборы. «Ты куда хочешь поехать?» - спросил Михаил Луконин. «В Грузию, конечно, - ответил я. «Так вот, что ты им скажи, – посоветовал Миша. – Отправляйте меня куда угодно, только не в Грузию, и они тебя именно туда и отправят». Так оно и случилось. На мое счастье полковник М. Головастик оказался прекрасным человеком, да и командующий генерал армии Стученко, бывший буденновец, однажды встречавший свой день рождения только в моей компании, тоже был по-своему уникален. Стал легендой забавный звонок его адъютанта в редакцию военной газеты, в которой я «служил»: «Командующий Закавказским военным округом спрашивает, сможет ли рядовой Евтушенко присутствовать на его дне рождения завтра?»

Но Головастик сделал просчет, представив меня сразу к званию майора из рядовых. Бумаги, подписанные им, были перечеркнуты ПУРОм, и я так и остался солдатом.

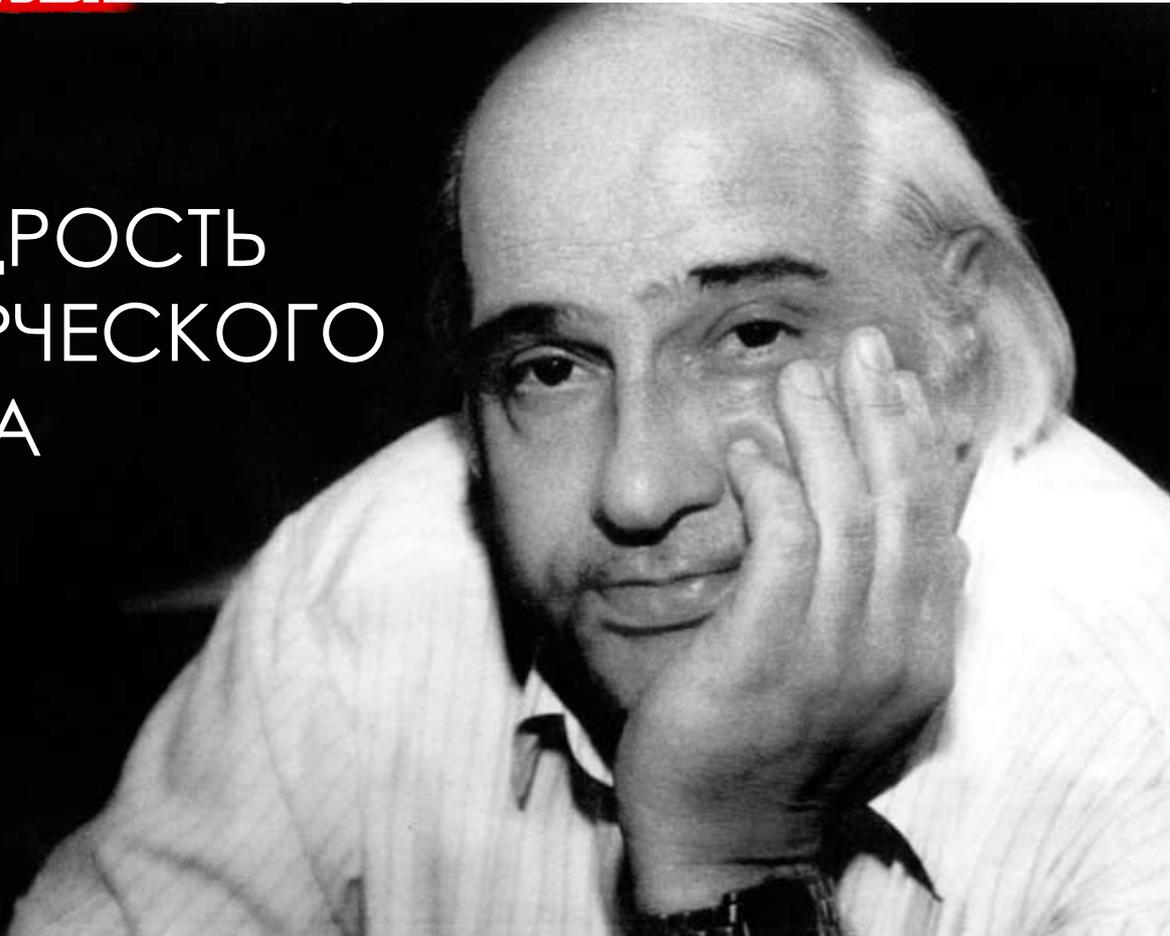
- *Почему вы сегодня сравнительно редко обращаетесь к грузинской тематике? Значит ли это, что Грузия перестала быть для Вас источником вдохновения?*

- Лучше писать редко, но метко. Последнее мое стихотворение «Боржоми» было как нельзя вовремя. Я был тронут отношением моих давних друзей, Зураба Абашидзе, бывшего посла Грузии в России, который в напряженнейшее время героически делал все, чтобы не дать испортиться русско-грузинским отношениям, а также Автандилу Сакварелидзе, Сарику Нонешвили и всем другим близким мне людям, которые помогли, чтобы стихотворение «Боржоми» было переведено и прозвучало по грузинскому телевидению. Самое трогательное, что какие-то незнакомые грузины во время моего отсутствия привезли на мою дачу после этого стихотворения несколько ящиков самого настоящего «Боржоми». Надеюсь встретить свой 75-летний юбилей в двоянный день рождения Маяковского и мой 19 июля 2008 года в Грузии. Если, конечно, меня пригласят. Я написал много плохих стихов, но, надеюсь, что много и хороших. Александр Межиров шуточно сказал однажды, что Евтушенко единственный поэт, у которого количество перешло в конце концов в качество. Когда я уйду, мне не стыдно будет взглянуть в глаза Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Маяковскому, Пастернаку, Есенину, которые так же, как я, любили Грузию.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЩЕДРОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ДАРА

Важа Азарашвили

Встреча учащихся музыкальных школ с композитором, когда-то вышедшим из ее стен, не содержит ничего исключительного, тем более, если она посвящена юбилею гостя. Однако когда в эйфории восторга почитатели его таланта начинают настаивать на присвоении имени композитора учебному заведению, заложившему основы его становления, это уже выходит за рамки привычного. Такой прием был оказан народному артисту Грузии, лауреату Государственных премий, почетному гражданину Тбилиси, председателю Союза композиторов Грузии, профессору Важе Азарашвили в тбилисской Шестой музыкальной школе. Приветствия чередовались с исполнением сочинений в самых различных жанрах, а порой и поэтическими экспромтами.

- Отзывчивость в отношениях с юным поколением, теплота и приветливость, которую Вы всегда уделяете участникам творческих встреч, на мой взгляд, во многом исходит от устойчивой памяти о детстве. Хотелось бы узнать о Ваших ранних музыкальных впечатлениях, о том, какое влияние оказали на художественное формирование семейные традиции.

- Музыка всегда звучала в нашем доме. Мама Ольга Миканадзе замечательно пела грузинские народные песни, как и ее брат. Во время семейных праздников в хоровое пение активно включался дедушка со своим неизменным чонгури. Отец же, обладая

красивым бас-баритоном, поначалу поступил в консерваторию на вокальный факультет, но, обнаружив интерес к профессии инженера, прервал свои занятия. Однако с музыкой он не расставался, выступая в Государственном ансамбле песни и пляски Грузии, а в дальнейшем с хором М.Тархнишвили.

- Кто приобщил Вас к игре на скрипке, и насколько увлекали занятия на инструменте, выбранным, судя по всему, случайно?

- Мое поступление в музыкальную школу было не совсем обычным. Шла война, отец был на фронте, и о занятиях музыкой никто не думал. Но однажды наша соседка, пианистка М.Чилова, завуч Шестой музыкальной школы, заявила, что при моих способностях необходимо начать учиться и непременно на скрипке. Спустя много лет она сыграла аналогичную роль в судьбе талантливого пианиста Валериана Шидукашвили.

В первые годы я относился к музыкальным занятиям довольно небрежно, предпочитая игру в футбол. К тому же донимали шутки моего гурийского дяди, которые я принимал всерьез и немало страдал. «Что из тебя выйдет, - дразнил он меня, - музыкант на панихидах? Ти-ти-ти, ти-ти-ти?» Но вот я перешел в четвертый класс с программой обязательного участия в объединенном детском оркестре. Этот струнный оркестр, которым дирижировал М.Дзидзишвили, произвел переворот в моем сознании. Ансамблевая игра,

хитроумные сплетения голосов, сочетания тембров меня завораживали; я жил от урока к уроку и понял, что не смогу оставить музыку. Оркестр дал друзей, которые прошли через всю мою жизнь – замечательный музыкант Эльдар Исакадзе (первый исполнитель моего виолончельного концерта, он стал трагическим адресатом виолончельной сонаты, которую я должен был посвятить его памяти), Спартак Коркоташвили, Рауль Агабегов...

Между тем, занятиям по специальности все еще не уделялось должного внимания. На седьмой год обучения педагог по скрипке Эсфирь Горенбург, потеряв терпение, сказала: «Хотелось бы знать, о чем ты думаешь; наверно забыл, что одновременно с тобой заканчивает зверь!» «Зверь» был Котик Варданян-Вардели, будущая мировая знаменитость. Тут я впервые задумался, поняв, какая ответственность предстоит, начал серьезно заниматься и, надо сказать, вполне достойно окончил музыкальную школу, получив отличный балл.

Следующий этап образования – Четвертое музыкальное училище, прославленное в то время созвездием педагогов (многие из них были общими для нас – я поступила туда в год, когда Важа сдавал в консерваторию). Вспоминая своих преподавателей, Важа в первую очередь называет Асю Яковлевну Хизанову, хорового дирижера и сольфеджиста, в прошлом уче-

рее воспринимался как вступление к курсу изучения культур Востока, но было интересно). Много радости доставляло общение с концертмейстером в скрипичном классе Ириной Борисовной Глебовой. Однако в одаренном юноше уже начал пробуждаться композитор, который властно требовал к себе внимания. То же самое чувствовал его друг Нугзар Вацадзе. Они решили посоветоваться с директором, и отзывчивая Ксения Илларионовна Джикия тут же учредила штат педагога по композиции, пригласив Александра Васильевича Шаверзашвили.

- Занятия по композиции проходили с захватывающим интересом. Александр Васильевич был требователен, скуп на похвалу, и если он говорил «неплохо», это означало «хорошо». Поэтому было настоящим потрясением, когда на четвертом курсе он объявил, что нам предстоит дать авторский концерт из двух отделений и притом в Малом зале консерватории. Концерт прошел при аншлаге. Наибольшее одобрение вызвал романс на стихи И.Гришашвили «Как ты хороша» в исполнении солистки радио Этери Цварава и хора а capella «Колыбельная» на слова И.Чавчавадзе, где солировала Эльвира Узунян, будущая народная артистка Грузии и Армении, с тех пор мой большой друг.

- В консерватории Вы занимались в классе композиции И.И.Туския, в то время ректора. Расскажите о своем учителе.

На концерте

ницу А.Гаука. Музыкант замечательной одаренности, она свободно читала с листа партитуры, с легкостью играла на память сложнейшие произведения, была широко образована и с большой фантазией проводила уроки по сольфеджио. Ее аристократический облик великолепно сочетался с моральными убеждениями, которые она старалась передать ученикам. Вот одно из ее наставлений: «Если вы перестали раскланиваться с человеком, никогда не отзывайтесь о нем плохо». Музлитературу преподавала Тамара Николаевна Геладзе, кандидат искусствоведения, фольклор – Важа Александрович Гвахария (правда, материал его лекций, далекий от какого бы то ни было фольклора, ско-

За роялем - Натия Азарашвили

- Иона Ираклиевич, выпускник Санкт-Петербургской консерватории, был блестяще образованным человеком с обширным кругом интересов. Его методика преподавания, принципы воспитания профессиональных навыков должны быть примером для подражания. Добрейший человек с неиссякаемым чувством юмора, он внимательно следил за художественным развитием учеников, стимулируя раскрытие их индивидуальности. При этом всячески поощрялись «нетривиальные», выходящие за пределы «академических» правил наклонности.

- Должно быть, к ним принадлежала и Ваша тяга к пародированию. Какие импровизации Вас увлекали?

- С ранних лет я испытывал слабость к изображе-

нию в присутствии зрителей пародийных портретов – не музыкальными средствами, как Филипп Глонти или Медея Паниашвили, а приемами мимики, жеста, голоса. «Коронным номером» стало пародирование речи Отара Васильевича Тактакишвили. Я дошел до того, что стал звонить от его имени в Союз композиторов – правда, розыгрыш под конец раскрывался. Но однажды в Союз позвонил сам Отар Васильевич, тогда уже министр, и услышал в ответ: «Это ты, Важа, вот мы тебя и застукали (на проводе была секретарша с таинственным именем Чату)!» «Что с тобой, Чатуня, - раздался ласковый голос, - почему меня ругаешь, ты плохо себя чувствуешь, наверно, эти композиторы свели тебя с ума?» Присутствовавший при этом Гиви Орджоникидзе, сделав знак присутствующим, начал рассуждать, какая расплата ждет дерзкую Чату за оскорбление должностного лица такого ранга.

С супругой Мананой Донгалзе

С внучкой Текле

Звонок друга

Так вот, Иона Ираклиевич нередко разряжал напряженность занятий по композиции моими пародийными опытами, сопровождая их комментариями, порой такими же непредсказуемыми, как и некоторые его поступки. Отступая от заданного вопроса, хочу вспомнить один из них, который красочно дополнит характеристику моего профессора. Однажды мы с друзьями увлеченно беседовали перед парадным входом в консерваторию и не заметили, как подошел ректор. Грозный оклик: «Что вы здесь делаете?» - вернул нас к действительности. Услышав, что занятия уже закончились, он вынул пачку денег и велел ис-

тратить их в ресторане «Самадло», а потом подробно отчитаться. Но когда ему представили счет, страшно рассердился: «На что мне эта бумажка? Я всего-навсего хотел убедиться, что все это время вы находились вместе!» Таков был наш Иона Ираклиевич!

- Слава не заставила Вас ждать, с ранних пор Вы были обласканы великими современниками. В фортепианном трио, этой дипломной работе выпускника консерватории, присутствовавший на экзамене Д.Д.Шостакович «почувствовал настоящего музыканта»; М.Л.Ростропович, познакомившись с музыкой концерта для виолончели и струнного оркестра, выразил автору благодарность «за большое и глубокое впечатление» и как бы дал путевку в жизнь этому опусу, ставшему популярным во многих странах мира. «Огромное впечатление» произвел на Т.Н.Хренникова концерт для альты с оркестром, который, по его словам, «задуман и разрешен превосходно».

А как Вы восприняли реплику музыковеда Гиви Орджоникидзе о том, что редкий для современного композитора дар мелодиста порой перестает ощущаться в Ваших сочинениях. «Вправе ли автор, обладая таким талантом, данным ему от природы, ограничивать его проявления?» - писал критик. Случалось ли Вам в действительности наступать «на горло собственной песне»?

- От мелодии я никогда не отказывался, но, будучи композитором своего времени, придерживаюсь в этом вопросе золотой середины. С Гиви мы часто спорили, но после того, как я написал балет «Хевисбери Гоча», стали большими друзьями. Современным композиторам сильно недостает критика. Впрочем, в Грузии критики как таковой давно нет, и это сильно тормозит развитие художественной культуры.

- Ваша творческая биография представляется удивительно благополучной. Было в сочинениях расхождение с официальной идеологией, приходилось ли, испытывая ее давление, прибегать к защитной маске, когда через прессу боролись за права эстрады, выступали против запретов на джазовую музыку, отстаивали радиопередачу «Молодые голоса»?

- Идеологическое давление я не испытывал. Имел прекрасные условия для работы; на протяжении 25 лет Министерство культуры СССР выплачивало мне гонорары по самой высокой шкале, мои произведения то и дело издавались в Москве. По принуждению никогда не писал, на приглашения откликался, если они были по душе – так было с опереттами, с балетом «Хевисбери Гоча». Ставшую известной «Песню о Ленине» написал по собственному побуждению; меня вызвали в ЦК и похвалили за хорошую музыку. Были сочинения и с социальной заостренностью – таков мой первый вокальный цикл на стихи Шота Нишанидзе. Замысел его распознается уже в названиях частей - «Спасибо за сказки», «Правда», «Камень», «Страх», «Маски». Этот опус с главенствующим мотивом поисков истины должен был прозвучать как

вызов идеологической фальши. Среди поздних сочинений гражданскими мотивами проникнут цикл на стихи Мориса Поцхишвили – трагическая поэма о том, что мы пережили за период 90-х годов.

- *В художественном мире Вы известны как тонкий знаток и ценитель грузинской поэзии. Вы первый грузинский композитор, обратившийся в своем цикле из трех романсов к поэзии Тютчева. Вполне понятна Ваша созвучность с душевным миром персонажей стихов «Сижу, задумчив и один», «Последняя любовь». Но чем мог привлечь Вас сюжет стихотворения «Эти бедные селения», где образность, казалось, столь далека от Вашей музыки?*

- Я очень люблю русскую природу, русскую зиму. Случалось так, что временами я работал в Иванове, однажды целых два месяца. Быт и нравы тех мест запали в память; захотелось расширить круг сложившихся образных и интонационных представлений.

- *Приходилось ли Вам, помимо Тютчева, обращаться к стихам русских классиков?*

- Классиков нет, но расскажу памятный эпизод из «советского прошлого».

Шла декада грузинской музыки на Сахалине; она длилась почти две недели.

В программе планировалась встреча с таежными охотниками. Величие окружающей природы, суровая красота тайги, охотничья избушка с дымящейся оленевой и тарелками с красной икрой (экзотику дополняли заготовленные для гостей валенки), радушие и доброжелательность хозяев очаровали нас, и я тут же сочинил русскую песню. Текст к этой музыке написал по моей просьбе сахалинский поэт Юрий Николаев, и песня, получив название «Ты в сердце у меня», прозвучала в дуэте Тенгиза Заалишвили и Мераба Донадзе под аккомпанемент автора. Она звучит во всех моих авторских концертах; я обычно исполняю партию верхнего голоса в сопровождении моего неизменного партнера Мераба Донадзе под мой аккомпанемент.

- *Когда-то в 1984 году Вы высказались в печати о неудовлетворительном состоянии грузинской эстрады. Как вы смотрите на современную эстраду?*

- Не знаю, как воспримут мои слова, но я считаю, что 60-е, 70-е да, пожалуй, и 80-е годы были для Грузии подлинным расцветом. Взглянем на это хотя бы с позиций культурных связей. Каким событием был театр «Современник», с которым в скором времени встретился грузинский зритель! А Театр на Таганке с ошеломившим нас спектаклем «Десять дней, которые потрясли мир» - им открылись гастроли. Какие фильмы выпускала наша киностудия! О наших театрах, фольклорных ансамблях, художниках, спортсменах узнали во всем мире.

В 60-е годы в Грузии было 24 ансамбля, и все они гастролеровали. «Рэро» с Константином Певзнером, затем основанный Робертом Бардзимашвили «Оре-ра» с блистательной Нани Брегадзе – всех не перечислишь. Филармонические концерты – будь то Москва, Сочи или Челябинск – проходили при аншлаге, и цены были вполне доступные. Когда с подмостков эстрады раздался голос Тамары Гвердцители, я посвятил ей песню «Музыка», ставшую популярной во всех регионах. Певица рассказывала о памятном для нее концерте для воинов-афганцев: зал, скандируя название этой песни, единодушно требовал ее пов-

торения.

В то время и в филармонии, и на радио, и в издательствах были худсоветы, которые сейчас модно охаивать. Демократия не означает балаган. Мы браковали плохие песни, а сейчас? Черт знает, какую музыку передают – ужас, безвкусица. А что сказать о лексике! Какими путями пробиваются ее «авторы»? Об этом я высказался через газету: «Если ты имеешь деньги, будешь и поэтом, и композитором, и певцом, т.е. станешь звездой». Вот, у меня нет денег на клип, следовательно, мои песни не должны звучать в эфире? В прежние времена не было отбоя от звонков из радиокомитета, фирмы «Мелодия», и не просто просили – умоляли дать новые песни. А сейчас кто звонит, кому ты нужен? Недавно я предложил новые песни на радио. Обещали исполнить, но до сих пор не пришлось услышать ни одной ноты. В то же время средства массовой информации все больше захватывают дилетанты, притом многие из них утверждают, что вышли из моей музыки. Если это так, воспитательная роль моих композиций явно не состоялась.

- *Помнится, Вы предлагали открыть в консерватории факультет джазовой музыки. Был ли услышан ваш призыв?*

- Одно время в консерватории преподавал джазовую инструментовку Гиви Гачечиладзе, большой знаток джаза. Сейчас я там уже не работаю, поэтому не знаю, что происходит.

- *Как получилось, что Вас отстранили от преподавания?*

- В консерватории, в целях экономии бюджета, настойчиво внедряют возрастную цензу, и педагоги после определенного (притом, отнюдь не преклонного) возраста подлежат увольнению.

Я очень любил учеников, и они отвечали мне взаимностью. Когда-то меня поразили изданные в трех томах «Дневники» С.И.Танеева. Сергей Иванович Танеев олицетворял в глазах современников «совесть консерватории». По его примеру я старался выстроить отношения со своими студентами, работал с полной отдачей в период, когда в аудиториях царил холод, а символическая зарплата выдавалась с опозданием.

- *Щедрость Вашего композиторского дара неисчислима. Концерт для большого симфонического оркестра, Камерная симфония в четырех частях, Соната для виолончели соло, Сюита «Нацаркекия» для фортепиано в четыре руки, Пять прелюдий для скрипки и фортепиано, Квинтет для фортепиано и струнного оркестра, вокальный цикл на стихи Анны Каландадзе, Соната для фортепиано в четыре руки – таков далеко не полный перечень сочинений последних трех лет. Его венчает вокальный цикл на слова Мананы Дангадзе (парадокс, но из композиторов, обратившихся к стихам Вашей жены, Вы оказываетесь на восьмом месте), гимн непреходящим ценностям – супружеской верности и семейному счастью. Мы услышали его в исполнении оперного певца Леги Имедашвили и талантливой Натии, Вашей дочери, прекрасной пианистки, украшающей семейный триумвират Дангадзе-Азарашвили. Пожелаем же Вам и Вашей семье новых художественных идей и новых творческих откровений.*

Мария КИРАКОСОВА

Давид Маркиш

ЯХТА

На бульваре Трахтенберга было людно. Пешеходы шли парами, группами и поодиночке, сидячие инвалиды ехали на колесе. Иные толкали перед собою конструкцию, похожую на передвижной флагшток с подвешенным к нему мешком капельницы. Встречались влюбленные, державшиеся за руки. Велосипедист лавировал. Ребенок бежал на роликовых коньках. Был час пик.

Бульвар пересекал здание больницы «Тель-Меир» по всей его циклопической ширине. То был, строго говоря, коридор, по одной стороне которого располагались лечебные отделения, а по другой – операционные, лаборатории, исследовательские центры, хозяйственные службы, кафе и магазины: цветочные, подарочные, книжные и кондитерские. Можно было, конечно, назвать этот крытый проход и бульваром, взбрело же такое кому-то в голову. Но кто таков Трахтенберг и чем он прославился, оставалось не проясненным: на эмалированных табличках, белым по синему, значилось: «Бульвар Трахтенберга». И это все.

Более чем вероятно, что неведомый широкой публике Трахтенберг дал деньги на строительство коридора. Такие случаи не единичны: в больнице «Тель-Меир» целые отделения построены на пожертвования, не говоря уже о больничных сквериках или диковинных статуях, украшающих лужайки и полянки. Евреи склонны жертвовать на больничные нужды. Да не оскудеет рука дающего, что тут говорить.

Посередине, примерно, бульвара, по правой руке располагалось кафе «Робеспьер». На вывеске был художественно изображен кровожадный француз на фоне гильотины. Его лицо имело сердитое выражение. Широким жестом Неподкупный указывал на вход в заведение и приглашал всех желающих заходить, не мешкая.

За круглыми столиками попивали кофе и дымили табаком ходячие больные и их гости.

Стояла тут и скульптура, в углу, для возбуждения эстетического чувства, если у кого задремало. Автор – Джерри Друкер из Чикаго, штат Иллинойс – приплатил, как видно, немало, чтоб ее здесь водворили, в больнице, на краю гибели. Скульптура была изготовлена из продырявленных стальных листов, методом клепки – плоская, с ответвляющимися членами. То было изображение существа злобного и опасного. В верхней части, произвольно, торчал острый прямой клюв. Такая цаца вполне могла появиться на Божий свет в результате романтической связи Кощея Бессмертного с Бабой Ягой.

Зато настрой религиозной части больных никак не был задет: скульптура не имела ничего общего с грешным фигуративным миром. Поставь сюда хозяин «Робеспьера» безрукую Венеру Милосскую или микельанджеловского Давида – не простоят им тут и часа: раввины, в три смены надзирающие в больнице за неукоснительным соблюдением традиций, устроили бы скандал. И, действительно, Давид с его необрезанной пипкой – чем не кумир, который создавать нельзя? Чем он лучше Золотого тельца в синайских песках? Да ничем.

Леня Шор-Табачник из Четвертого отделения сидел против скульптуры, глядя на нее без всякого выражения. Человек не собака, человек ко всему привыкает, - а Леня сидел здесь над своим кофе вот уже полтора месяца, изо дня в день, и светила ему дорога из Тель-Меира в закрытое лечебное заведение Мигдал-Нахум, расположенное в лесных зарослях Верхней Галилеи, в местах миндальных. Эта перспектива не радовала Леню, но и не огорчала: ему было все равно, где проводить время жизни. В Четвертом психиатрическом отделении он слыл тихим, так что и в миндальных лесах его едва ли переведут в буйные. Глядя сквозь железную штурковину чикагского ваятеля, Леня отчетливо различал песчаный берег сапфирового моря и белую яхту на бревенчатых стапелях. А другие видения – ведьмы, демоны - его никогда не посещали.

С Яхтой Леня встретился у американского писателя Хемингуэя, там, где у него девушка Брет похожа на ночную яхту, - встретился и полюбил. Полюбил так, как у другого великого писателя, Платонова, новый рыцарь Копенкин любит отменной любовью пламенную революционерку Розу Люксембург, давно, правда, уже ушедшую от нас. И вот Яхта сделалась мечтой Лени Шор-Табачника, он хотел овладеть ею или хотя бы прикоснуться к ней.

Дальше в воду, глубже дно. Мечта захватила Леню, как говорится, с ушами, вела его за руку. Московский парень прикипел душой к морю, никогда им невиданному, но служившему естественной средой обитания его Яхты. «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом. Что ищет он в краю далеком...» Эти строки пронзили его стрелой, обмазанной душистым медом, и Михаил Лермонтов в небрежно свисающем с правого

плеча ментике сильным рывком опередил Александра Пушкина с его Татьяной, которую прежде хотелось догнать в темном вечернем коридоре, схватить за открытые плечи, крепко к себе привалить и поцеловать. Косой белый парус, ускользящий, влек Леню за собою невесть куда, в дремучие глубины. Он и учиться-то пошел на судостроительный из-за этого паруса, из-за этой желанной Яхты, прекрасной, как Брет.

Решение ехать в Израиль на ПМЖ пришло к Лене Шор-Табачнику на исходе 80-х, вскоре после окончания института. Надо сказать честно, что сионистская идея не играла тут никакой роли: Леня не рвался вовевать с арабами и не планировал собирать в лесу апельсины с финиками. Дело было в том, что в России, охваченной пламенем перемен, Яхту можно было расчудесно нарисовать разве что на бумажке, а потом приклеить эту бумажку себе на лоб. В краю же далеком, на берегу Средиземного моря, всяко могло случиться – вплоть до чуда.

К тому времени Леня уже был женат на учительнице английского языка, русской национальности, по имени Вера. Посещение ЗАГСа случилось не само по себе, а в результате оплошности: проморгала Вера, ее интимная пружинка дала осечку или вообще выскочила куда-то, и вот вам результат – интересное положение, и растет ребенок там не по дням, а по часам. Леня принял новость без надрыва и пошел регистрироваться. В конце концов, раз в жизни бывает только смерть, а все остальное множественно.

Жили они в однокомнатной квартирке на окраине города, в новом районе. Жили хорошо: он трудился в конструкторском бюро траулерного флота, она учила детей языку Вильяма Шекспира и Кима Филби. Денег на житье-бытье хватало – Леня дурных привычек чурался: пить не пил, в карты не играл, курил больше для понта, за посторонними девушками не ухаживал, - своих хватало с головой. Свои - это Верка и дочка, которой, в результате томительных раздумий, дали редкое для евреев имя Роксана. Леня нажимал и настаивал, чтоб новорожденную назвали просто и в то же время со значением – Яхта. Но Верка плакала и кричала, и грозила объявить голодовку, и измотанный супруг уступил: Роксана так Роксана. Уступил – но ссадина на душе осталась, и он мерил расходившуюся женщину острым грифельным взглядом, как будто расчерчивал ее на бревна, бимсы и шпангоуты. Ощущая кожей режущий взгляд, Верка задавалась запоздалым вопросом: а все ли дома у ее Лени? А не стоило ли сделать аборт?

Но природа брала свое, молодые годы – зеленые, - и вот следом за дочкой появился сын Витя. Одному ребенку скучно в доме, об этом никто не станет спорить, да и непедagogично это, да и Папа римский тоже ведь не дурак, а как стоит против абортов. А что насчет того, все ли дома у Леника или только некоторые, так тут многое зависит от привычки: да, он немного странной с этой своей лодкой, зато другие спичечные коробики собирают или вообще алкоголики. И когда Витя родился, Леня не стал спорить насчет имени, а сразу согласился: «Ладно, пускай будет Виктор. «Виктория» – победа. Морская победа». А мог ведь и упереться – давай назовем Бриг или там Фрегат.

Время шло ни шатко, ни валко, жизнь обрастала ракушками и тянула на дно. Ветер горбачевской свободы хоть и дул над Москвой, но дул мимо: не было пару-

са, который бы его уловил, конструирование траулера сходилло на нет, и денег противно не хватало даже на самое насущное. Леня Шор-Табачник затосковал. Яхта существовала неподалеку, но дотянуться до нее было совершенно невозможно; лишь по ночам она приближалась в темноте, с ласковым плеском, терлась бортом о его плечо, и тогда он стонал и метался во сне. В России, сорвавшейся с цепи и уходящей из-под ног, как палуба в бурю, перспектива привязать к себе красивую и избалованную Яхту была равна нулю. Этот ноль представлялся Лене крушением жизни, хуже, чем крушением – небытием. Следовало уходить от Девятого вала, это было ясно.

Понятно это было и Вере – она надеялась на то, что с изменением жизненной обстановки Леня возьмется за ум и выкинет из головы свою затею с лодкой, а дети на новом месте перестанут пускать сопли, капризничать и реветь. Новое место обозначилось как бы само собою: Израиль. Там детское питание, там климат средиземноморский, там все. На всякий случай Вера заикнулась было о Германии, но Леня даже слушать не захотел – в его сердце пробудились дремучие чувства к исторической родине, к двенадцати сыновьям старика Якова, один из которых, кстати сказать, не козлов с баранами гонял по холмам, не из лука стрелял в пролетающую утку, а пошел по мореходной части. Немцы тоже иногда отчаливали от своих берегов, но то совсем чужие люди, с какой бы им стати вникать в душевные устремления Лени Шор-Табачника.

Документы на выезд были поданы, начался обратный отсчет перед стартом. Немногочисленные друзья-приятели решению Шор-Табачников ничуть не удивились; удивляться можно было лишь тому, что Вера с Ленией до сих пор еще никуда не отчалили, а ведь могли. Разрешение от властей пришло быстро и без помех, сборы тоже заняли не много времени. Да и чего там собирать? Не расхлябанную же кровать, не дощатые книжные полки отправлять тихой скоростью за тридевять земель, в тридцатое еврейское государство. Решено было везти с собою застиранную детскую одежду на смену, два десятка книг по судостроению и разную хозяйственную мелочевку в двух чемоданах да клетчатом клеенчатом бауле, с какими российские челноки спуют туда-сюда по белу свету.

Момент прибытия сынов Израиля с чадами и домочадцами, со скарбом, собаками и кошками на древнюю родину описан многократно; я и сам об этом писал. В толпе иммигрантов, спускавшихся с трапа самолета в тель-авивском аэропорту, семья Шор-Табачников ничем не отличалась от других: все были взволнованы, никто не помышлял о плохом. Время целованья родной земли ушло в прошлое, в 70-е годы, и нынче такие глупости никому и в голову не приходили. Да и как тут поцелуешь, если кругом один асфальт, мрамор и железобетон. Даже смешно и неловко как-то: могут подумать, что человек съехал с катушек. Скромней надо себя вести после двухтысячелетней разлуки и не лезть с поцелуями.

Коты и собаки тоже приехали, хотя логичней было бы везти на историческую родину овцу – хотя бы потому, что это полезное животное упоминается в еврейских священных книгах чаще, чем другие бессловесные твари. Но времена меняются, и люди меняются вместе с временами: царь природы помещает сегодня овечку по соседству с козлом... Пока оформляли документы,

Леня, Вера и их дети, вместе с другими новопривыбшими, наблюдали за парой ошалевших от перелета белых королевских пуделей – кобелем и девочкой. Мнения наблюдателей совпадали: псов привезли на развод, ради малого бизнеса. Первопроходцы-семидесятники тащили за бугор сверла и электрические лампочки на продажу – а зачем, когда породистый щенок с дипломом смело тянет на полтыщи баксов? Человеческая мысль все время скачет вперед, это несомненно.

Что же до кота, то он сидел в плетеной корзине, высунув круглую башку в дырку и глядя на еврейский мир совершенно индифферентно. Его хозяйка, крупная старуха в шляпе с полями и птицей, терпеливо дожидалась очереди на оформление и с котом не общалась, как будто то был самостоятельный сосед с независимым характером.

А Леня маялся. Ему хотелось поскорей усесться перед чиновницей и заявить без предисловий: «Мне все равно, куда ехать, главное, чтоб на берег моря». Так и вышло – его отправили на Юг, в Ашкелон.

Проще всего было бы Яхту купить, – за деньги, на какой-нибудь великобританской, скажем, верфи или же со вторых рук; и выбор был незаурядный. Плати и подымай паруса в тумане моря голубом! Леня выписал с дюжину телефонов и принялся названивать.

В Англию он звонил больше для порядка и из темного любопытства: цены зашкаливали с первого звука, нули уходили к горизонту. Под укоризненным взглядом Верки, считавшей минуты международной беседы, Леня выспрашивал приятные подробности: сколько метров от носа до кормы, какова высота мачты и площадь парусов, из какого дерева изготовлен штурвал – из красного или же из бука. Потом дело неизбежно доходило до цены, и разговор прекращался. Покупка со вторых рук представлялась более достижимой, хотя бы уже и потому, что можно было съездить в Герцелию и в тамошней «марине» посмотреть, ощупать лодку собственными руками. Но и в Герцелии цены были совершенно гулливерские, а один из частновладельцев, до которого дозвонился Леня Шор-Табачник, даже позволил себе съязвить. В ответ на вопрос, сколько соллярки потребляет аварийный мотор, яхтсмен процедил в трубку: «Если вы собираетесь купить у меня яхту и спрашиваете такие глупости – значит, у вас нет денег даже на автобус!» И прервал разговор, не простившись.

– Шел бы он ко всем чертям! – отреагировал Леня, и Верка с ним согласилась. – Сразу видно, что за тип! Ему бы рабынями торговать на невольничьем рынке.

Тут Верка огорченно покачала головой – сравнение показалось ей немного притянутым.

А у Лени после всех этих разговоров полегчало на душе: вариантов нет, надо строить Яхту самому. Год на это уйдет, два – пусть: сколько надо, столько и уйдет.

Ашкелонское море оказалось вполне подходящее для того, чтобы выпустить в него Яхту – сапфировое, с блестящей. Впрочем, времени на любование красивой водой не было. Леня придирчиво обследовал песчаный берег и километрах в пяти северней города выбрал пустынную площадочку, тылом упиравшуюся в дряхлую охряную скалу, всю в расселинах, а справа и слева ничем не ограниченную. Здесь следовало заложить Яхту, построить ее и спустить на воду.

Главному делу препятствовали побочные, отвле-

кающие проблемы. Так было, так будет; Леня к этому привык. Уйти с головой в строительство мешал быт, замешанный на безденежье. Английский, однако, язык учат даже в тропических зарослях, и Вера давала частные уроки и учила детей в арабской школе – в обычную обещали перевести через семь месяцев, на новый учебный год. С траулерами было сложнее. В Израиле траулеров не строили, линкоров тоже, и Леня зарабатывал на хлеб мытьем полов в фабричных помещениях – спонжей. Гоня грязную воду по выщербленным каменным плиткам, он видел себя с веревочной шваброй в руках, на дощатой белой палубе Яхты. Так было интересней, и время с приятным шипеньем текло за бортом фабрики.

А домочадцы все время чего-то хотели в этом роскошном мире. Дети хотели мороженого и конструктор «Лего», Вера хотела стиральную машину и идти к частному гинекологу. Леня Шор-Табачник молча досадовал на них, но вслух не выражался во избежание скандала. Скажи он хоть слово, как дети начинали плакать и реветь, Верка – ныть и причитать. И дело тут было вовсе не в местной жаре, отрицательно действующей на нервную систему, а в том, что Леня потратил все деньги на покупку инструментов, необходимых для строительства Яхты, на дубовые доски, медные скобы и латунные шурупы. Доски были замечательные, отборные, да и шурупы такие надо еще поискать. А деньги Леня как глава семьи получил в подарок от еврейского государства на обустройство и первые шаги по земле исторической родины. По земле – не по воде.

Долго ли, коротко ли, на прибрежной площадке под Ашкелоном возникло нечто, напоминающее скелет лодочного корпуса. Сколько времени, расчерченного на дни, недели и месяцы прошло с той поры, как Леня появился здесь, на берегу, он если и знал, то внимания своего на этом не сосредотачивал: день да ночь – сутки прочь, и концы в воду. Лицо строителя заросло красивой бородой, лоб и подглазья покрылись стойким загаром. Леню Шор-Табачника теперь можно было принять за вольного бродягу, не исключено, что и морского. Все свободное время он проводил на строительстве, туда и зеваки потянулись – поглядеть на чокнутого. Леня из своего занятия секрета не делал, каждому желающему обстоятельно объяснял свой проект, включая технические подробности. Местная русская газетка напечатало о нем статью с фотографией: вот, мол, какой у нас есть замечательный земляк, он для воплощения своей мечты готов на все, даже работу в конструкторском бюро фирмы по изготовлению фруктовых соков бросил, чтоб не мешала любимому делу. Между строк статьи лукаво посверкивала мысль, что местному ивритянину принести такую жертву ради идеи не по плечу, на это способен только настоящий русский еврей с пылающим сердцем – такой, как Шор-Табачник.

Действительно, с год назад или что-то около того Леня работал в какой-то шарашкиной конторе, проектировал соковыжималки нового поколения, но потом его оттуда уволили по сокращению штатов, по железному правилу «последним пришел – первым ушел». О том эпизоде он и думать забыл, хождение на штатную службу, по часам, было противно его существу, набравшему морского ветра на берегу, у Яхты. Драить по ночам полы более подходило его новой, прибрежной сущности. Драить полы или одноразово, без гарантий

подметать сбегавшие к морю улицы города Ашкелона. Нет, не зря шутили остряки, что израильские города с приходом большой эмиграции из России стали самыми чистыми и самыми музыкальными городами в мире. Толпы неустроенных по специальности инженеров, подбирая с асфальта листья и окурки, во всю шуровали совками и вениками, а дипломированные скрипачи и трубачи развлекали публику музыкальной игрой на оживленных перекрестках. Наконец-то, не прошло и двух тысячелетий, еврейское массовое увлечение нотами обратилось в несомненное благо. Ленин коллега по получению социального пособия, кандидат наук по вечной мерзлоте, неплохо подрабатывал, переходя из кафе в кафе и распевая песни наподобие курского соловья, но только со словами. Все шло в ход: цыганские романсы, гимн Советского Союза и бриллиантовые частушки, сдобренные красивым матом. Одна только была тут неувязка: мерзловику, в отличие от большинства его соплеменников, медведь на ухо наступил, - но это обстоятельство не отвращало слушателей от исполнителя, а лишь добавляло специфики и пробуждало жалость в сердцах, соединенных тоненькой жилочкой с кошельком. После появления статьи с фотографией кандидат наук предложил Лене кооперироваться и петь хором что-нибудь морское, ну, например, «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», но пропиаренный Шор-Табачник заманчивое предложение отверг – не мог справиться с робостью.

Яхта, меж тем, выросла и требовала все больше денег на дальнейшее развитие. Вериных заработков едва хватало на выплату ссуды за ветхую квартиру, купленную по случаю возле Старого рынка, а остатки гоголевским ракам из корзины. О полноценных обновлениях для Яхты нечего было и думать, и Леня бродил по строительным площадкам в поисках подходящих мусорных досточек и побывавших в употреблении гвоздей; к нему, с его шкиперской бородой и усами, уже привыкли в городе, считали немного съехавшим с катушек человеком. Добравшись, наконец, до своей верфи, он сваливал с плеч на землю мешок с находками, освобождено и радостно переводил дух и привязывал к шести флаг, которому назначено было в свой срок взвиться на мачте Яхты. Тот флаг Леня Шор-Табачник изготовил собственноручно: на синем шелковом поле, окаймленном золотой бахромой, гарцевал на фоне восходящего солнца оранжевый кентавр. Адмирал, так сказать, прибыл, все по местам.

Однажды Леня обнаружил на краю своего владения дырявую палатку-одиночку, в которой спал безмятежным сном русоголовый молодец, похожий на викинга, со следами ночного пьянства на лице.

-Ты кто такой? – растолкав молодца, спросил Леня Шор-Табачник.

-Кто-кто... - недовольно промычал разбуженный ото сна. – Ну, Иванов.

Иванов оказался брянским уроженцем, врачом-логопедом. Пятнадцать лет назад он с женой-еврейкой покинул пределы отечества и обосновался в Канаде, а теперь вот приехал в Святую землю с важной целью – дожидаться прихода Мессии и Конца света. По расчетам Иванова Мессия должен был появиться в течение пяти месяцев именно здесь, под Ашкелоном. Точное число Иванов указать не мог, но это было и не обязательно. Крайний срок – декабрь, в этом вычислитель

был твердо уверен. Исходя из этого, он уволился с работы в университетской клинике Монреаля, покинул семью, сомневавшуюся в точности выкладок, и купил билет в Израиль в один конец. Дело было сделано, мяч перешел в руки Мессии. Деньги на пропитание Иванов припас строго до декабря, а гостиница здесь просто ни к чему: Израиль не Канада, тепло круглый год, можно подождать на берегу в палатке.

-А на январь, значит, нету? – уточнил Леня. – Денег?

-Зачем мне на январь, - пожал плечами Иванов, - когда в январе уже будет ни к чему.

В ответ на это разъяснение Леня Шор-Табачник только головой покачал: здрасьте, какой там Конец света, какой январь! Яхту, даст Бог, удастся спустить на воду не раньше, чем через год-полтора.

Знакомство приятно затянулось. Выпили водки из припасов Иванова. Закусили канадскими бобами в томате. Время было у обоих: Леня шел мыть полы в ночь, а Иванов – тот вообще никуда не спешил. Разговор привольно тек. Лене интересно было слушать про Канаду, про страну кленового листа – о том, что людям там духовности не хватает просто катастрофически. От души посочувствовав канадцам, Леня взялся рассказывать новому знакомцу о своей Яхте, но тот пропустил подробный рассказ мимо ушей. Леня не обиделся – он понимал, что Иванов увлечен скорым появлением Мессии, и чужие проблемы от него далеки. Закончив бутылку, оба пребывали в расчудесном настроении; будущее представлялось им безоблачным. Леня предложил компанейскому Иванову, удачно сочетавшему высокое с бытовым, переселиться из палатки в корпус Яхты, уже очерченный пунктирно бревнами и досками. Для этого нужно было соорудить там нечто вроде шалаша или ящика и проводить время в ожидании Конца света с большими удобствами, чем в палатке. Иванов сразу согласился.

-Ну да, - сказал Иванов. – И от воров заодно постерегу, а то мало ли что...

Вторник на среде едет, а четверг погоняет; вот это точно. Время проходило, не оставляя зарубок, мимо Яхты и Лени Шор-Табачника, дети Роксана и Витя росли на апельсинах не по дням, а по часам, а Верка ворчала и хмуро глядела: не могла радоваться душой лишь от красоты окружающей жизни. Глядя из окошка на неутраченное шевеление Старого рынка, она сладко мечтала о том дне, когда Леня закончит свою лодку и уплывет куда глаза глядят. Она давно уже понимала себя вдовой при живом муже. Веркин жизненный сок еще не прокис, по ночам ее одолевали приятные видения: розовые и жемчужные летающие мужики выныривали из темноты и нежно на нее набрасывались, она послушно открывалась их напору и превращалась почему-то в клейкую березовую почку, переливчато светящуюся изнутри. А бедный Леня тем временем жил своей особенной отдельной жизнью: вместо того, чтобы протянуть руку и отогнать летающих мужиков, он лишь на минутку прерывал свой дикий боцманский храп – и то лишь затем, чтоб прошептать имя соперницы: «Яхта!» Слыша это отвратительное имя, Верка отчетливо видела себя с ножом в руке, занесенным над разрушительницей семьи, и клинок разил не холодную деревяшку, а бесстыжую грудь разлучницы. Текла кровь, женщина с лживыми глазами русалки ва-

лялась у ног Верки... Сделав дело, Верка отодвигалась подальше от спящего Лени Шор-Табачника и освобождено поворачивалась к летающим кавалерам... Спустя недолгое время она возвращалась к удручающим реалиям нашей жизни, и с плывущей – нет, скользящей, летящей, но только не плывущей! – усмешкой, потягиваясь, задавала себе вопрос: «А уж не сбрендил ли я окончательно?» Честный ответ на этот вопрос Верка дать не могла.

Не принося устойчивого просветления, дни один за другим переваливались через пень-колоду. И не было никого в заросших пальмами ашкелонских песках, кто пожалел бы Веру или дал дельный совет. Не зная за собой грехов, заподозрила Вера злонамеренный сглаз, наведенную порчу – а по-другому как объяснишь сплошные неприятности жизни? Не евреев же в этом винить, евреи тут, наверно, ни при чем. А если и при чем, как кого здесь вычислить, в еврейском краю... Оставалась гадалка, специалистка по сглазу, про нее тоже писали в газете, как про Леню, - что очень опытная и хорошо разбирается в таких делах.

Гадалка терпеливо выслушала Верин рассказ, а история с Яхтой ее сильно удивила, она даже раскипятилась – как видно, не часто сталкивалась с таким раскладом. Потом долго разглядывала Ленино фото, поворачивала его так и сяк, и вынесла решение:

-Червивый человек. Тебе, женщина, надо его в сумасшедший дом сдать и в суд идти разводиться.

-А как же сглаз? – спросила Вера. – Нельзя, что ли, избавиться?

-Тут темный кругозор, - непонятно объяснила гадалка. – Могу порчу на него навести, на твоего, он сам отсохнет.

-Не надо! – сказала Вера, поджала губы и фотографию убрала в сумку. – Сколько я вам должна?

Получив гонорар, гадалка сосчитала деньги и выписала квитанцию. Эта квитанция разозлила Веру больше всего. Квитанция! Выйдя на улицу, она разорвала бумажку на мелкие кусочки, бросила на тротуар и пошла на Старый рынок.

Вернувшись домой, она нашла в ящике письмо из адвокатской конторы. Адвокат уведомлял господина Леонида Шор-Табачника, что его квартира продана и все бумаги оформлены надлежащим образом.

-Я так договорился, что мы остаемся жить в этой же квартире, только будем платить за съём, - твердил Леня Шор-Табачник, с некоторой тревогой глядя на плачущую и воющую Веерку. – Получится даже лучше: за месяц обойдется меньше, чем по суду.

-А деньги где? – захлебываясь слезами, всхлипывала Верка. – Деньги ты куда дел?

-Ну, деньги... - пожимал плечами Леня. – Штурвал купил, бимсы, полотно, краску, из меди кое-что и, главное, киль... Список, что ли, показать?

-Убил, – заливалась Верка, - детей оставил на улице!

-Мы скоро на яхту переедем, - добросовестно успокаивал Леня, - там будем жить. Места хватит, и воздух какой. Ни этого жулья, - он кивал головой на Старый рынок за окном, - ни шума. Это ж ясно!

Гадалка оказалась права: надо было разводиться. Денег на адвоката не было, и Верка нашла приработок – по утрам, до школы мыла окна в конторских помещениях. Платили неплохо.

Вид сверху, с восьмого этажа, открывался дивный: белый песчаный берег переходил в волнистые пески, на них зеленели острова пальмовых парков и апельсиновых рощ, слева, как бараньи орешки, скачивались к морю домишки Газы, а справа, вдали, угадывались белые башни Ашдода. Стоя на подоконнике, с тряпкой и резиновой отжималкой в руках, Вера вглядывалась в затянутый молочной пленкой горизонт с низким солнцем над ним и, утратив ощущение времени, ждала чуда: появления над морем неведомого Бога или хотя бы ангела на парусных крыльях, с золотой трубой у лица. Мир представлялся ей одномерным, простым и милым. Звонок телефона за ее спиной, на одном из столов, хлестнул ее, как плеть. Она вздрогнула и оступилась на подоконнике.

И мир, прежде чем исчезнуть, перевернулся в ее глазах и снова стал самим собой.

Кладбище снимает окалину с сердца. Вид могил с лежащими в них приземляет бестолковый полет еще живущих.

Кладбище это порог Вечности, которая и есть Бог.

Так или примерно так думал и ощущал Леня Шор-Табачник, бредя по дорожкам кладбища к Вере. Время, продвигаясь ни шатко, ни валко, со дня похорон пропустило сквозь пальцы низку дней и ночей – подобно тому, как прилежный богомolec пропускает зернышки четок на шнурке, - и земля вокруг Веры успела вспучиться новыми коричневыми горбиками.

Проходя, Леня всматривался в надписи на надгробьях. Сотни незнакомых имен ни о чем ему не говорили, но толпа обитателей этого места была благожелательна к пришельцу, и Леня испытывал к ней благодарность за такой прием. Он уже давно не чувствовал себя так хорошо и защищенно, он испытывал к кладбищу уважительную любовь, как к царю – и вовсе не оттого, что здесь теперь была Вера. Он вообще думал о Вере не в первую очередь, она уже скрылась за поворотом, ее не стало видно. Да и вещи, которые могли бы о ней напомнить: стул, на котором она сидела, щетка, которой она расчесывала волосы, - все это исчезло вместе с ней и вместе с квартирой на Старом рынке, откуда пришлось съехать за неуплату и переселиться на Яхту, в крытый толем шалаш, к Иванову. Детей никак нельзя было взять с собой, и социальная Служба опеки малолетних пристроила их временно в детский дом. Там им было хорошо.

А вот с Ивановым начались проблемы. Чем ближе подходил Конец света, тем тревожней становился Иванов и задумчивей. Он больше пил и больше курил. Он даже купил брусок мыла, сходил на безлюдный по зимнему времени года общественный пляж и вымылся там под одиноким краном с ног до головы, хотя мытьем тела до тех пор не злоупотреблял. Лене Шор-Табачнику иногда казалось, что Иванов обрадуется, если Мессия в назначенный час изменит направление своего пути и пройдет мимо Ашкелона, куда-нибудь.

Сидя на кладбищенской лавочке, в тени сильных деревьев, Леня представлял себе появление Мессии: вот он идет, строгий старик в белом пиджаке, он не смотрит по сторонам, губы его шевелятся: «Час пришел! Час пришел!» В руке Мессия несет холщевый мешочек со съестными припасами, голова его не покрыта, седая грива посверкивает дождевой пылью. Такой старик, пожалуй, может и испепелить, если захочет; опасный

старик. Лене Шор-Табачнику хотелось бы спросить у Мессии, придет ли он на берег, к Яхте, где Иванов его ждет, но он побаивается задать вопрос и робеет. Как бы там ни было, нужно идти и предупредить Иванова, чтоб он был окончательно готов.

А Иванов пил, сидя на песке берега. Он пил, чтобы обогнать время и чтоб на душе стало светло и прохладно. Допив бутылку «Узо», он поглядел на часы; шел шестой час, Конец света еще не наступил. Иванов досадливо сощурился и покачал головой: Бог изобрел Время, а не часовые стрелки. Потом он поднялся на ноги и полез в яхту, в шалаш – спать. Закурив «Ноблес», он растянулся на резиновом тьюфячке и закрыл глаза. Сигарета, дымясь, выпала из его пальцев и откатилась к горстке сухих стружек в углу.

Яхта горела. На фоне предвечернего высокого неба, смыкающегося на горизонте с темным морем, столбик огня казался небольшим, как столбик охотника. Леня Шор-Табачник смотрел на огонь сверху, с морщинистой скалы, и не спускался вниз.

Яхта горела, до Лени доносился ровный гул пламени. Девичьи очертания Яхты невозможно было угадать в золотой глубине костра; так мог гореть дом или завал сухих бревен. И это устраивало Леню: не могла же его Яхта, если говорить всерьез, взять и превратиться во прах, как Индира Ганди на берегу реки Брахмапутры.

Яхта ушла от него, вот в чем было дело. Нет, она не изменила ему с другим, это – нет. Она ушла, потому что ей надоело ждать, когда он выполнит все свои обещания: подарю парус, подарю штурвал красного дерева с медными заклепками, подарю картину Айвазовского «Рассвет над морем» в золотой раме. Где штурвал, где картина Айвазовского? Сколько можно ждать? Любая на месте Яхты давно бы уже ушла...

Леня отлепил взгляд от огня и глядел теперь на море. Яхта легко шла, покачиваясь на волнах. Ее парус был упруго выгнут и полон ветра. На мачте бился флаг, Леня разглядел на нем оранжевого кентавра и удовлетворенно покачал головой: ни о какой измене нет и речи, это его флаг, все в порядке. Просто Яхта снялась и ушла. Пусть она будет счастлива и не таит обиды в душе.

Через полчаса или через час – уже смеркло, воздух потемнел до синевы и стал почти ощутим на ощупь – Леня Шор-Табачник спустился со скалы и подошел к пожарищу. Он разглядывал тлеющие головешки со снисходительным интересом, как вполне посторонний человек. На оклик Иванова, сидевшего на песке, в сторонке, он не откликнулся. Набрав в грудь побольше воздуха, тревожно пахнувшего горелым деревом, Леня затаил, завыл на одной ноте, как морской ветер: «У-у, у-у-у!». Так стоял и без слов пел, пел и заклинал и раскачивался, как на молитве.

В больницу «Тель-Меир» Иванов его привез в машине скорой психиатрической помощи. На вопрос, как его зовут, Леня не отвечал, и другие вопросы тоже оставил без ответа. Тогда хватились Иванова, чтоб помочь заполнить опросный листок.

Но и Иванова нигде не нашли.

Давид МАРКИШ

Здравствуйте, судари и сударушки! Что, подморозила вас матушка-зима? Январь-просинец снежком забросал? Февраль-сечень ветрами обдул? Ну ничего. Как учит русская пословица, «не все ненастье – проглянет и красно солнышко». А пока приглашаю вновь на наши посиделки. «Сказка складом, песня ладом красна». Продолжим наш разговор о сказках. В них можно все найти: и очарование высокого вымысла, и шутку, и неожиданный урок. Начали мы разговор со сказок о животных. Да и вы немало знаете их. В народных сказках все важно, все драгоценно: и остроумная выдумка, и меткое слово. А в сказках о животных еще есть и удивительная особенность: читая про зверей и птиц, мы ясно понимаем – это о людях, о самом главном в них. О том, что человек должен быть добрым, справедливым, смекалистым, а в сложной ситуации решительным и смелым. Жизненный опыт народа показывает: доверяй, но проверяй, как говорится; всем помогай и себя не обижай. Вот еще одна известная русская сказка, где действующие герои – только животные.

ПЕТУШОК – ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок – золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят – строго наказывают:

- Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай, когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кот и дрозд нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

- Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

- Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

- Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

- Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

- Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

- Ко-ко-ко! Как не дают?! Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

- Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису – кот дерет, дрозд клюет, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывали петушку:

- Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы еще дальше уйдем, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса – тут как тут: села под окошечко и поет:

- Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,

Дам тебе горошку
Петушок сидит помалкивает. А лиса – опять:
- Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок все помалкивает. А лиса – опять:
- Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:
- Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал – кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой – петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по Лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

- Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...

Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?

Лисица слушала, слушала и думает: «Дай-ка посмотрю — кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили — и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

Не зря говорят в народе, «на крепкий сук точки топор, на все умей давать отпор». Или «Кони познаются при горе, а друг при беде». Кот и дрозд верными друзьями оказались, а петушок научился прислушиваться к словам старших, стал послушнее и умнее.

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

История формирования музейных коллекций у каждого музея индивидуальна. Иногда ядро коллекции формируется за счет одного или нескольких частных собраний.

Особая роль в создании коллекции русской живописи XVIII-XIX веков Национального музея Грузии (Музея искусств Грузии имени академика Ш.Я.Амиранашвили) принадлежит двум частным собраниям – собранию Е.В.Канделаки и И.Д.Ратишвили (Ратиева). Если первый из них целенаправленно собирал произведения русской живописи и графики XVIII-XIX веков на протяжении длительного времени, то собрание И.Д.Ратишвили – это фамильные реликвии и портреты, хранившиеся в семье многие десятилетия.

Владелец собрания – князь Иван Дмитриевич Ратишвили – человек необычной судьбы и редких дарований. О нем много писали, в том числе и в журнале «Русский клуб» (№10, 2006г.). И, тем не менее, есть некоторые аспекты его биографии, которые остаются в тени.

Иван Дмитриевич Ратишвили родился в 1868 году в городе Орле, в семье Дмитрия Иосифовича Ратишвили и Ольги Михайловны, урожденной Масловой. Интересна история появления грузинского князя, владельца имения Ксовриси близ Гори, в российском губернском городе. Еще при Екатерине Второй был издан указ, позволяющий детям грузинских дворян обучаться в военных заведениях России

на казенный счет. В Орле местные дворяне – Михаил Иванович Маслов, попечитель гимназии, и Николай Васильевич Бахтин основали на свои средства Орловский кадетский корпус, куда и были отправлены на учебу малолетние грузинские князья Дмитрий Ратишвили, Татархан Дадешкелиани и другие. Маслов был просвещенным человеком, покровительствовал молодежи и на лето приглашал в свое имение «Смоленское» кадетов, которые не имели возможности из-за отсутствия железнодорожного сообщения отправляться на каникулы к родным. Особенно тепло и заботливо он относился к грузинам, которые, будучи оторванными надолго от родных и привычного климата, трудно адаптировались к новым условиям.

Вот таким образом познакомились, а затем и поженились Д.И.Ратишвили и О.М.Маслова. Их сын, окончив Орловский кадетский корпус, а затем Николаевское кавалерийское училище, в 1890 году был зачислен в Нижегородский драгунский полк, расквартированный в Грузии, в местечке Царские колодцы (Дедоплис Цкаро). Нижегородские драгуны представляли элитную часть российской армии: в этом полку в разное время служили поэт М.Ю.Лермонтов и художник Г.Г.Гагарин.

Офицеры-нижегородцы часто наезжали в Тифлис, многие из них были в дружеских отношениях с представителями знатных грузинских родов. И.Д.Ратишвили, молодой блестящий офицер, привлекал всеобщее внимание грузинского общества, но со своей будущей

Портрет О.З. Киселевой-Масловой

женой познакомился, путешествуя по Италии. Его избранницей стала светлейшая княжна Грузинская Екатерина Ираклиевна, правнучка Ираклия II, а по материнской линии она приходилась правнучкой князю Александру Чавчавадзе (Давид Александрович Чавчавадзе – ее дед) и таким образом, она была внучатой племянницей Нины Грибоедовой и Екатерины Дидани. Свадьба состоялась в 1898 году в Тбилиси, так как Иван Дмитриевич продолжал успешно служить в Нижегородском полку. Однако его блестящую карьеру прервал несчастный случай: получив травму на скачках, он был вынужден уйти в отставку и переехал с семьей в Петербург.

Еще с юности И.Д.Ратишвили увлекался живописью и даже успел год проучиться в Парижской Академии изящных искусств. В Петербурге он был принят на службу в Дворцовое ведомство. В апреле 1917 года его назначили помощником начальника Дворцового управления Зимнего дворца. Именно его решительные действия уберегли Зимний дворец от разграбления и уничтожения во время октябрьских событий. Новая власть оценила это, и «товарищ князь», как он именовался некоторыми газетами, был назначен главным комендантом Зимнего дворца и «всех государственных дворцов Петроградского района». Доверие большевистского правительства было столь велико, что в 1918 году при переезде в Москву в связи с угрозой немецкой оккупации Петрограда, ему поручили транспортировку и охрану ценностей Зимнего дворца, Эрмитажа и золотого запаса из подвалов Государственного банка. В условиях полнейшей анархии и разрухи он блестяще справился с этой сложной задачей.

Смерть жены в июле 1917 года, а затем гибель двадцатисемилетнего сына в 1926 году разрушительно сказались на здоровье Ивана Дмитриевича. В 1931 году он переехал в Тбилиси, где и скончался в 1958 году.

У Ратишвили хранились бесценные реликвии, связанные как с историей семьи, так и с историей деятелей русской и грузинской культуры. Многие из них пополнили собрания музеев Грузии: Государственного Литературного музея имени Г.Леонидзе, Национального музея Грузии, Дома-музея А.Чавчавадзе в Цинандали.

В Государственном музее искусств Грузии хранится ряд фамильных портретов из собрания семьи Ратишвили. Самый ранний по времени исполнения – это «Портрет дамы в чепце с голубыми лентами и голубой шали» работы неизвестного художника поступил в музей в 1969 году. Долгое время портрет оставался безымянным, но в 1984 году Ольга Ивановна Львова, дочь И.Д.Ратишвили, признала в изображенной Дарью Иосифовну Киселеву, урожденную Лыкошину, которая приходилась прапрабабушкой Ивану Дмитриевичу по материнской линии. По костюму изображенной портрет был датирован первым десятилетием XIX века.

Другой портрет, автор которого тоже остался неизвестным, сохранил имя модели: ею оказалась Ольга Захарьевна Киселева-Маслова, прабабушка

И.Д.Ратишвили. Она принадлежала к небогатой дворянской семье, которая в Отечественную войну 1812 года самоотверженно отдавала все силы борьбе с интервентами: ее отец пожертвовал крупную сумму

Портрет Ф.Н. Телепнева-Оболенского

на организацию ополчения, а оба кузена – Сергей и Павел Киселевы – сражались в рядах действующей армии.

С братьями Сергеем и Николаем Киселевыми находился в приятельских отношениях А.С.Пушкин. Сергей Дмитриевич с 1821 года проживал в Москве, и, бывая в старой столице, поэт постоянно навещал его. С Н.Д.Киселевым Пушкина познакомил поэт Языков, учившийся вместе с ним в Дерптском (Тартусском) университете. Младший Киселев служил по ведомству Министерства иностранных дел и стал впоследствии видным дипломатом. В 1828 году, отправляясь с дипломатическим поручением в Вену через Карлсбад, славившийся своими минеральными источниками, он заехал к брату в Москву, где и встретился с Пушкиным. На память об этой встрече поэт вписал в его записную книжку четверостишие: «Ищи в чужом краю здоровья и свободы, но Север забывать грешно. Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды, чтоб с нами снова пить вино».

Бытовало семейное предание, что О.З.Киселева тоже встречалась с Пушкиным, что может быть вполне вероятным: навещая своего московского кузена, она могла у него в доме встретиться с поэтом.

Стоит пристальней взглянуть на лицо Ольги Захарьевны: скуластое, с толстеньким носом, высоким лбом, обрамленным гладкой, строгой прической по моде конца 1830-х годов, оно привлекает выражением доброты, умным, чуть печальным взглядом. Свобода и непринужденность позы говорят о душевном равновесии и чувстве собственного достоинства. В ее костюме – скромном черном платье, прикрытом прозрачной косынкой и ярко-голубой вышитой шалью, нет и намек на роскошь или кокетливое щегольство. В ней явно проступает то, что Пушкин так высоко ценил и чем восхищался в Татьяне Лариной: /.../ «без взора наглого для всех, без притязаний на успех /.../ без подражательных затей /.../ все тихо, просто было в ней».

Оба женских портрета, о которых идет речь, написаны достаточно профессионально, но установить авторство не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что портреты могли быть исполнены художниками, прошедшими академическую выучку и работавшими в провинции. У многих помещиков в усадьбах были свои крепостные живописцы, часто имевшие художественное образование, но не дерзавшие подписывать своим именем заказанные им работы.

Из того же семейного собрания происходят и два портрета военных – братьев Телепневых-Оболенских. Валерьян Николаевич и Федор Николаевич Телепнев-Оболенские были родными братьями бабушки И.Д.Ратишвили, то есть он приходился им внучатым племянником. Древний княжеский род Телепневых – Оболенских достаточно разветвленный и многочисленный, имел поместья в Костромской, Ярославской и Орловской губерниях. Их соседями на Орловщине были помещики Масловы. За одного из них – Михаила Ивановича Маслова вышла замуж Анна Николаевна, сестра Валерьяна и Федора. Сохранившийся черно-белый отпечаток с ее живописного портрета, который семейная легенда приписывает К.П.Брюлову, дает представление о классически ясных чертах лица, лебедином изгибе шеи, изящной и гордой осанке. В расцвете молодости и красоты Анна Николаевна умерла от послеродовой горячки в 1851 году, оставив троих малолетних детей и безутешного супруга.

Портреты Валерьяна и Федора Телепневых-Оболенских исполнены масляными красками на жести. Валерьян изображен в форме лейб-гвардии драгунского полка, куда он был переведен из лейб-гвардии гусарского полка в 1830 году. Его продвижение по службе было вполне успешным, но внезапно оказалось прерванным в 1837 году, когда он уволился в отставку «по домашним обстоятельствам». В семье бытовала легенда о каких-то романтических обстоятельствах – любви, измене, дуэли – повлекших решение об отставке.

Семейное предание приписывало Валерьяну Ни-

Портрет В.Н. Телепнева-Оболенского

колаевичу дружбу с М.Ю.Лермонтовым, который был его однокашником по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. Однако, сопоставление некоторых дат опровергает эту версию: так, Лермонтов поступил в школу и одновременно был зачислен вольноопределяющимся унтер-офицером в лейб-гвардии гусарский полк в 1832 году. Но к тому времени В.Н.Телепнев-Оболенский уже покинул и школу и гусарский полк. Тем не менее, в период с 1834 по 1837 год они могли встречаться в Петербурге на балах и других светских мероприятиях, так как оба служили в элитных столичных полках.

Младший брат Федор Николаевич служил в Псковском лейб-гвардии драгунском полку, о чем свидетельствуют его белый колет, серебряные пуговицы, а также розовый воротник и такие же обшлага мундира.

Несмотря на близкие размеры, портреты братьев не были парными, но, судя по стилистическим данным, явно принадлежали руке одного и того же мастера. Их художественные особенности вызвали в памяти образы акварельных портретов 1830-х годов и, в частности, два акварельных портрета М.Ю.Лермонтова, исполненные художником А.И.Клюндером в 1838-1839гг. Возникло предположение, что, возможно, портреты из нашего собрания являются повторением акварельных портретов, хранившихся в семье Теле-

пневых-Оболенских. Это предположение подтвердилось, когда стало известно, что в Государственном Литературном музее имени Г.Леонидзе имеется акварельный портрет В.Н.Телепнева-Оболенского, подписанный Klunder и датированный 1837 годом, поступивший в музей в 1941 году непосредственно от И.Д.Ратишвили.

Александр Юлиус (в России его называли Александром Ивановичем) Клюндер или Клиндер родился в Эстонии в 1802 году. Учился у немецкого гравера в Дерпте, а затем поступил в Петербургскую Императорскую Академию художеств. В 1834 году ему было присвоено звание художника портретной акварельной и миниатюрной живописи. В 1841 году он был признан академиком Петербургской академии художеств. Его портретные работы пользовались популярностью, о чем свидетельствует приглашение в 1838-1839 годах написать портреты офицеров лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил М.Ю.Лермонтов. Возможно, такой же заказ был им получен еще раньше, то есть в 1837 году, и из лейб-гвардии Драгунского полка, когда был написан портрет В.Н.Телепнева-Оболенского.

Что касается портрета Федора Николаевича, то его композиция оказалась идентичной портрету М.Ю.Лермонтова, написанного Клюндером в 1838 году. Стилистическая близость обоих портретов позволяет предположить авторство А.И.Клюндера и относительно портрета Ф.Н.Телепнева-Оболенского. Но

написан он позже, в 1839-1840 гг., когда Федор Николаевич имел чин ротмистра. К сожалению, пока не удалось отыскать сам клюндеровский оригинал.

Итак, портреты братьев Телепневых из нашего собрания являются копиями с акварелей А.И.Клюндера. Неведомый копиист развернул композицию в зеркальном отражении, но в остальном строго придерживался стилистической манеры оригинала. Технологические особенности живописи дают основание датировать оба портрета серединой XIX века.

Ценность фамильного собрания И.Д.Ратишвили, представляя историю нескольких поколений русско-грузинского рода, позволяет потомкам сохранить историческую память. Это переплетение русско-грузинских корней свидетельствует не только о преемственности поколений, но напоминает о единстве судеб народов, что особенно знаменательно в наше сложное и беспокойное время.

Нонна ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

Портрет А.Н. Масловой

Получит ли человечество «вечный» календарь?

31 января Россия отметила 90-летие перевода летоисчисления с юлианского на григорианский календарь. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 26 января 1918 года было предписано следующий после 31 января день считать четырнадцатым февралем. Данное постановление имело огромное историческое значение не только для России, но и для других стран, существующих на постсоветском пространстве, включая Грузию.

Уже в глубокой древности человечество стало осознавать необходимость учета времени, что было связано с развитием земледелия, скотоводства, обмена и мореплавания.

Первой природной единицей измерения времени были сутки. Наступление ночи означало окончание дневной деятельности, наступление отдыха. Периодичность смены дня и ночи утверждалось в труде и отдыхе. Счет велся в пределах пяти первых единиц, по числу пальцев на руке. По мере развития производства образуются более высокие формы хозяйственной жизни. Одновременно возникает потребность в исчислении более длительных периодов времени. Для земледельческих племен был особенно важен учет времени года, поскольку для земледельца жизненно необходимо умение определять сроки наступления тех или иных сельскохозяйственных работ (запашка, сев, сбор урожая и т.д.). В странах с жарким климатом, где занятие земледелием в дневное время невозможно, учет времени происходил не по солнечному, а по лунному свету.

Постепенно учет времени был систематизирован, что подвигло человечество на создание календаря. Поскольку летоисчисление изначально велось в странах очень сильно отличавшихся друг от друга по климатическим условиям и религиозным традициям, то и учет времени производился по-разному.

В мире по сей день существует несколько десятков календарных систем, в основу которых положен учет солнечной или лунной фазы, а также комбинированные лунно-солнечные календари. Из лунных наиболее известен мусульманский календарь (Хиджра), широко используемый в странах, где население традиционно исповедует ислам, а из солнечных – наиболее широко известны юлианский и григорианский календари.

Юлианский календарь (старый стиль) до начала XX века использовался в России (включая ныне независимые государства на постсоветском пространстве), а также в странах, где население традиционно

исповедует восточное христианство (православие), в частности, в Болгарии, Сербии, Румынии, Греции.

Несмотря на то, что григорианский календарь считается самым точным из ныне существующих, его также нельзя считать безупречным.

Главные недостатки григорианского календаря:

1. Неравное количество дней в месяцах вообще и рабочих дней в частности. В месяце может быть от 23 до 27 рабочих дней.

2. Неравномерное количество дней в кварталах и полугодиях. В квартале может быть от 90 до 92 дней. Первое полугодие короче второго на 3 дня. Неравномерность календаря создает трудности в организации производства и не дает возможности для точного сравнения статистических данных по месяцам, кварталам и полугодиям.

3. Одни и те же числа месяца приходятся на разные дни недели. В каждом новом году дни недели распределяются по-новому, из-за чего ежегодно миллионными тиражами печатаются новые календари, что приводит к колоссальным и крайне нерациональным затратам.

Преодолеть эти недостатки чрезвычайно трудно, так как природные единицы, которые были исходными, в счете времени не содержатся целое число раз друг в друге. Так, в частности, год содержит 365 или 366 дней, но оба этих числа нельзя разбить поровну на 12 месяцев. 30 и 31 день также не делятся без остатка на 7 дней недели.

Ученые и любители разных стран обращались к этой проблеме еще в XIX веке и выдвинули идею т.н. «пустых» дней, т.е. дней, не имеющих числа. О «пустых» днях, в частности, писали в 1835 году аббат Марко Мastroфини и в 1849 году французский философ Огюст Конт.

В конце XIX века в Англии управление Северовосточной железной дороги из-за различного количества рабочих дней в отдельных месяцах натолкнулось на затруднения при сравнении месячных отчетов. Служащий этой дороги Моисей Котсворт предложил проект рабочего календаря взамен существующего с равномерным количеством рабочих дней в месяцах. Он предложил считать в году 13 месяцев по 28 дней ($13 \times 28 = 364$), из которых 24 дня были рабочими. К 13 месяцам добавлялся один день в обычном году и 2 – в високосном. Добавочные дни являлись «пустыми» и не имели числа. Они считались нерабочими.

В 1888 году французский астроном М.-Г.Армелин выдвинул идею «вечного» календаря в 12 месяцев. В этом календаре год разбивался на 4 равных квартала по 91 дню. В каждом квартале насчитывалось 13 целых недель и один (в простом году) или два (в високосном) «пустых» дня.

Активно проблемой календаря занимались и в России.

В конце XIX- начале XX века были созданы две комиссии по реформе календаря, одной из которых руководил Д.И.Менделеев. В 1923 году при Лиге Наций в Женеве был создан «подготовительный комитет по

упрощенному календарю». Комитет собрал большой материал. Государства Европы и Америки предложили около 200 проектов реформы календаря, которые были рассмотрены и напечатаны комитетом. Вторая мировая война помешала осуществить реформу. После окончания войны вопрос о реформе календаря был поднят уже в Организации Объединенных Наций. Инициатором постановки вопроса была Индия, население которой пользовалось более чем 30 календарными системами, что было обусловлено крайней этнической и религиозной пестротой данной страны. В октябре 1953 года правительство Индии представило в ООН «Меморандум по вопросу о всемирной календарной реформе». Делегация Индии предложила включить вопрос о календаре в повестку сессии Экономического и Социального совета ООН и 8 июля 1954 года Экономический совет обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой поставить вопрос на обсуждение Генеральной Ассамблеи в 1955 году. Предполагалось, что новый календарь будет принят государствами-членами ООН с 1 января 1956 года, однако этого не произошло. Снова вопрос о календаре обсуждался на 21-й сессии Экономического и Социального совета ООН в мае 1956 года, но окончательное решение так и не было принято. Тем не менее, работа по созданию всемирного календаря продолжается. Существует множество проектов календарной реформы, которые можно разделить на две основные группы: календарь в 13 и в 12 месяцев.

Наиболее интересным представляется календарь в 13 месяцев, по которому год делится на два полугодия (по 182 дня) и четыре квартала (по 91 дню). Кварталы состоят из трех месяцев каждый. Первый месяц содержит 31 день, остальные два месяца – 30 дней. Первые числа квартала приходятся на воскресенье, а конечные – на субботу. В каждом месяце предусмотрено 26 рабочих дней. Четыре квартала в совокупности составляют 364 дня. Поэтому для согласования продолжительности календарного года с природным (тропическим), в простом году добавляется один день, а в високосном – два дня. Они не имеют числа и не являются днями недели, поэтому их условно называют «пустыми».

Первый день ежегодно вставляется после 30 декабря и именуется «Днем мира и дружбы народов». Второй вставляется один раз в четыре года и именуется «Днем високосного года». Данный вариант календаря удобен тем, что по нему год делится на равные полугодия и кварталы, что очень удобно для делопроизводства.

Не вызовет больших затруднений и перевод на новый календарь исторических дат. Перейти на него можно с любой даты, когда дни недели в григорианском календаре и всемирном календаре совпадают. Удобнее перейти на новый календарь с 1 января. Для

этого надо, чтобы 1 января по григорианскому календарю приходилось на воскресенье. Таким например, был 2006 год. К сожалению, новый календарь не может быть принят без одобрения всех ведущих стран-членов ООН. Первый раз переход на новый календарь ООН планировала на 1 января 1961 года. Секретариатом ООН всем странам был разослан проект календаря, который был одобрен Советским Союзом, Индией, Францией, Югославией и многими другими странами мира, но был заблокирован США и Великобританией из-за неприятия нового календаря церковными кругами этих стран, поскольку в новом календаре нарушается датировка религиозных праздников, в первую очередь – пасхи, а также из-за наличия в нем недели, состоящей из 8 дней, что по мнению клерикалов недопустимо. Им невдомек, что предлагаемый ООН календарь предназначен не для одной отдельно взятой конфессии, а для всего человечества. Католическая и ряд других западных церквей вправе сохранить для себя григорианский календарь и использовать его для своих нужд, как в свое время поступила православная церковь, по сей день пользующаяся юлианским календарем. К сожалению, современный мир, как и прежде, недостаточно толерантен. Увы, но даже сегодня не только отдельные люди, но и целые государства, во имя давно изживших себя догматов, блоки-

руют многие здравые начинания и предаются анафеме передовые идеи. Хочется верить, что рано или поздно человечество доживет до того дня, когда при принятии серьезных решений люди будут руководствоваться не сиюминутной политической конъюнктурой, догмами и предрассудками, а исключительно здравым смыслом. Тогда человечеству гораздо легче будет решать стоящие перед ним глобальные проблемы, а «вечный» всемирный календарь будет в этих решениях ему весьма существенным подспорьем.

Владислав МАРГИАНИ

«Полуденная женщина» в Тбилиси

В тбилисском филиале Института Гете были представлены новые книги немецких авторов. С тенденциями современной немецкой литературы грузинских читателей ознакомила доктор Дорис Маурэр из Бонна. За шестнадцать лет Дорис Маурэр побывала в разных странах, представляя на суд любителей литературы бестселлеры и неизвестные широкому кругу читателей книги.

Презентация не могла не вызывать большой интерес в культурной жизни Тбилиси, которая становится все многообразней. Дорис Маурэр привезла сорок книг – это романы, автобиографии, лирика, детективы... Среди них – «Пятьдесят классиков. Немецкие писатели» Хоакима Зоола, «Орфей» Элизабет Биндер, «Последние стихи» Ютты Розенкранц, «Богатые девушки» Ричарда Вагнера и другие.

- Я впервые в Тбилиси, - сказала Дорис Маурэр. - Полтора года назад провела презентацию в Киеве. Новинки немецкой литературы вызвали интерес украинцев. Тогда я познакомилась с руководителем

Вибке Вайганд, узнала, что немецкая культура, литература очень популярны в Грузии.

Эти издания уже были участниками книжных ярмарок Франкфурта и Лейпцига, они меня особенно восхитили. Выбирать было трудно. Так, например, только во Франкфурте были представлены 85 тысяч изданий. Поэтому советы специалистов в этом деле будут полезны. В Германии всегда большой спрос на новые издания, особенно отмеченные призами. Так, роман «Полуденная женщина» Юлии Франк, обладательницы «Бух прайз» Франкфуртской ярмарки, очень быстро раскупилась. Другой вопрос: все ли купившие эту книгу, прочли ее.

Дорис Маурэр после пятилетней работы в университете стала сама писать книги, учебники, биографии... Сегодня наряду с презентациями, она проводит литературные семинары.

Особенно большой объем работы приходится на осень. В это время проводится более пятидесяти встреч по всему миру. Только на весну приходится до двадцати.

По словам Маурэр, хотя классика всегда востребована, но не надо ни обгонять и ни отставать от времени. Следует быть в курсе и современной литературы.

Все книги-участницы презентации изданы в 2005-2008 годах, и прочесть их можно в библиотеке Института Гете. Для студентов подобраны книги, адаптированные для изучающих язык.

Информационный центр Института Гете и немецкая библиотека имени Вильгельма Гумбольдта, а также читальные залы в Ереване и Баку предоставляют информацию о немецкой культуре, общественной и политической жизни Германии. Желающим предлагают большой выбор журналов и книг. В масштабах всего Южного Кавказа устраивают мероприятия для работников библиотечной и издательской сфер.

Дорис Маурэр с интересом слушали не только те, кто свободно владеет немецким, но и те, кто только начинает изучать его. В принципе, ни одно мероприятие Института Гете не обходится без студентческой аудитории. А после такого обилия книг-новинок обязательно захочется расширить свои знания, окунуться в мир авторов, носителей языка великих мыслителей и поэтов.

Миранда ОГАНЕЗОВА

Вибке Вайганд и Дорис Маурэр

информационного центра и библиотеки Института Гете в Тбилиси Вибке Вайганд. Она пригласила меня сюда. До этого я не располагала обширной информацией о Грузии, но благодаря интенсивной переписке с

**GOETHE-INSTITUT
TBILISSI**

«Добро нужно творить совершенно бескорыстно...»

Помню свое последнее интервью с Джемалом Сихарулидзе – я готовила его для «Русского клуба» к юбилею артиста. Уютная квартира. Душевный разговор обо всем – об актерской профессии, о любви, о превратностях судьбы, о поэзии... о Евгении Евтушенко (вместе с ним он проходил пробы к фильму «Сирано де Бержерак»). Чтение Джемалом своих лирических стихов. Общение с верной и многолетней спутницей жизни Джемала Сихарулидзе – красавицей Гулико на тему «как все у них начиналось»... По горькому стечению обстоятельств, с актером простились 14 февраля – в этот день 39 лет назад Джемал и Гулико стали мужем и женой.

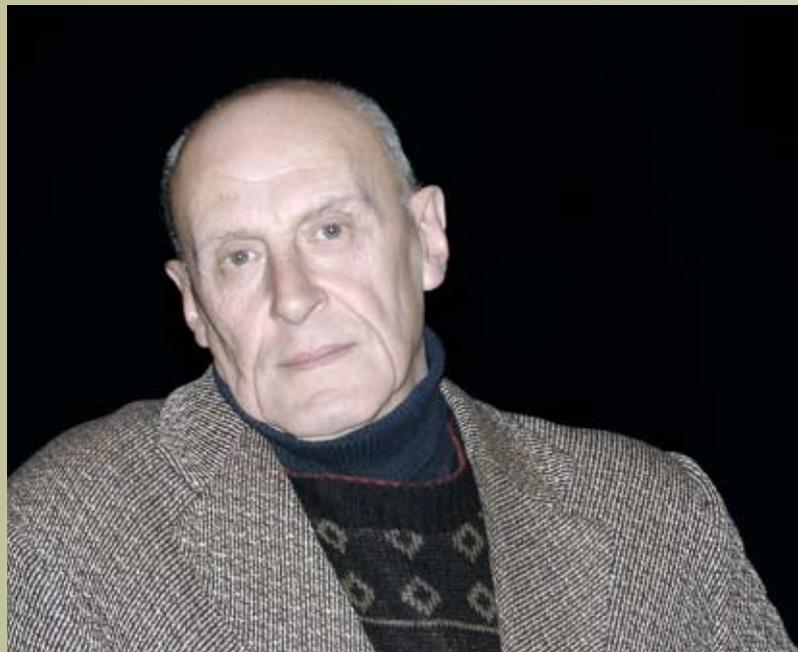
Перед интервью с актером я робела как перед экзаменом – несмотря на большой опыт общения с самыми разными людьми. Джемал Сихарулидзе невольно внушал это чувство, с ним нельзя было вести формальный диалог по традиционной схеме вопрос-ответ... Но в итоге получился диалог, который запомнится мне надолго, навсегда. Я тогда поняла главное – как много значит для Сихарулидзе его профессия. Даже несмотря на невеселые мысли по поводу перспектив русского театра в Грузии: «Иногда мне кажется: все, что я делаю, никому не нужно. Конечно, добро нужно творить совершенно бескорыстно, и, наверное, оно зачтется ТАМ. Поэтому в душе я надеюсь только на самое хорошее... хотя и не вижу перспективы в дне завтрашнем – учитывая ситуацию, в которой мы все варимся».

Бытует такая фраза, иногда ее произносят и в театре: незаменимых нет. Но это абсолютно неверно. Никогда другой человек не сможет заменить тебя. Другой всегда будет другим. Без тебя исчезнет свойственное тебе одному – твоя особенность... Таким особенным актером и человеком был Джемал Сихарулидзе.

Он был для многих воплощением качеств настоящего мужчины – немногословен, немного суров, держится независимо, уверенно. От общения с ним возникало чувство надежности. Таким он предстал перед зрителями на сцене, такое впечатление производил на окружающих и в жизни.

А начинал Джемал в далеком 1960-м... Тогда в Тбилисском театральном институте открыли киноактерский факультет, и родственники, друзья отца посоветовали Джемалу Сихарулидзе попробовать силы в актерской профессии. Он попробовал и сразу поступил, что неудивительно. Джемал был просто создан быть актером, ведь природа наградила его фактурной внешностью, красивым голосом низкого, густого тембра и удивительной органикой... Его сдержанный, мужественный стиль игры, скупая, выразительная актерская палитра привлекали внимание зрителей.

Учился Джемал актерскому мастерству у Додо

Алексидзе, а в 1965-м пришел в Тбилисский русский драматический театр имени А. Грибоедова. И прослужил здесь более сорока лет.

Помню свое яркое детское впечатление от спектакля «Вкус черешни» А. Осецка, где главные роли играли Джемал Сихарулидзе и Замира Григорян...

Его герои – это часто сильные, волевые люди, люди поступка – пусть иногда и разрушительного. Все помнят его неистового Григория Распутина из одноименного спектакля (Джемал был тогда отмечен за лучшую мужскую роль), наступательного, жестокого, ни перед чем не останавливающегося Лопехина из «Вишневого сада», обуреваемого преступной страстью Лорана из «Терезы Ракен» Э. Золя.

Не забуду одну сцену из «Вишневого сада», когда Джемал Сихарулидзе объявляет, что вишневый сад продан и что именно он стал его владельцем. Лопехин не может скрыть своего почти животного ликования, пьянящего восторга и пускается в пляс... «За все могу заплатить!» - кричит он в самозабвенном экстазе.

Но Сихарулидзе мог быть и совершенно другим. Так, воплощая на сцене образы Скалозуба из «Горя от ума» Грибоедова или «солдафонистого» Поручика из «Избранника судьбы» Шоу, он показывал тупую ограниченность своих героев, и был в этом качестве так же убедителен, как и в ролях «сильных мужчин». Замечательно чувствовал себя актер и в комедийной стихии – например, в роли недалекого Микича Кодрянца в «Хануме». Кстати сказать, Джемал Сихарулидзе замечательно пел, что иногда становилось дополнительной краской в характеристике его героя.

Вершиной творчества Сихарулидзе стал Понтий Пилат из спектакля «Мастер и Маргарита». «Этот образ заставляет задуматься над тем, что тебя ожидает завтра и как надо жить сегодня!» - сказал мне Джемал перед премьерой. Она прошла на «ура!», Понтий Пилат был всеми признан большой творческой удачей актера, хотя ему пришлось выдержать серьезную конкуренцию с такими мастерами, как Кирилл Лавров и Михаил Ульянов, сыгравшими этого героя в кино и на телевидении... Сцены с Пилатом были одними из лучших в постановке грибоедовцев. Понтий Пилат – Джемал Сихарулидзе был неординарной, сильной и в то же время страдающей личностью. Его интерес к личности, взглядам «философа с мирной проповедью» Иешуа Га-Ноцри был неподдельным и страстным, а позднее раскаяние в совершенном проступке, предательстве – глубоким и искренним.

Оставил Сихарулидзе заметный след и в кино. Дебютировал в комедии Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу» в роли Тенгиза. А в общей сложности сыграл двадцать пять ролей. Одна из его последних блестящих работ в кино – горец Абдул-Мурат в картине Сергея Бодрова «Кавказский пленник». В этой роли Джемал был, как всегда, очень достоверен. К слову сказать, Евгений Евтушенко отметил высокий класс его игры, сказав, что актеру удалось переиграть даже такую российскую «звезду», как Олег Меньшиков.

Вместе с этим замечательным актером ушел огромный мир чувств, мыслей, образов... Не верится, что он больше никогда не выйдет на сцену в своей последней и любимой роли Понтия Пилата, чтобы задаться вечным вопросом: «Что есть истина?»

Инна БЕЗИРГАНОВА

Коллектив Грибоедовского театра и «Русского клуба» выражает соболезнование семье Джемала Сихарулидзе

АДМИНИСТРАЦИИ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА, ДИРЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ», РОДНЫМ И БЛИЗКИМ ДЖЕМАЛА СИХАРУЛИДЗЕ

Все мы, кто работал с ним, дружил, встречался, и, когда-либо, знал дорогого Джемала, глубоко скорбим в связи с его безвременной кончиной. Блистательный театральный и киноактер, прекрасный друг, высокоинтеллектуальный человек, Джемал каждому, с кем когда-либо сталкивалась его судьба, оставил частицу своей уникальной доброжелательности и целительной любви. Сегодня мы не можем быть рядом с дорогими Гулико и Дато, потому что судьба разбросала нас по всему свету, но мы все равно с вами, дорогие наши любимые. И вместе с вами провожаем в последний путь нашего родного, дорогого Человека, нашего любимого Джемала. Пусть земля ему будет пухом. С богом!

Елена Килосанидзе, Ирина Сташевская, Лариса Некипелова, Инна Савронская, Татьяна Ельчанинова, Нелли Абрамова, Анатолий Смиранин, Ефим Байковский, Татьяна Загребельная, Ирина Подкопаева, Игорь

Пилиев, Майя Кобахидзе, Нонна Плотникова, Елена Чарквиани, Александр Топурия, Светлана Головина, Юрий Светлый (Гевенян), Анна Смирнова, Армен Зурабов, Владимир Семин, Александр Раквиашвили, Гарри Параджанов, Елена Пискунова, Марина Николаева, Анна Макагон, Ника Квижинадзе, Татьяна Иванова, Земфира Бокоева, Волемир Грузец, Тамара Соловьева, Борис Казинец, Светлана Казинец, Юрий Юрченко, Замира Григорьян, Алексей Батиашвили, Роман Пахлеванянц, Зинаида Талоева, Михаил Иоффе, Нина Иоффе, Ирина Обрезкова, Михаил Чавчавадзе, Виктор Гордиенко, Виктор Захаров, Татьяна Жиронкина, Татьяна Лаврентьева, Нина Артуновская, Лариса Крылова, Алла Конт, Валентина Кудряшева, Александр Буклеев, Владимир Бурмистров, Светлана Варданян, Сергей и Вета Виноградовы, Лана Гарон, Валентина Демченко, Нора Кутеладзе, Рита Минеева, Игорь Минеев, Андро Окрочелишвили, Вазген Петросян, Заур Квижинадзе.

10 лет

мы ориентируемся на развитие долгосрочных банковских отношений с нашими бизнес – потребителями, предлагаем им финансирование и услуги, необходимые для роста и успеха.

Развивайте Ваш бизнес вместе с нами! БАНК КАРТУ

Бизнес – банкинг

(Обслуживание юридических лиц)

Ссуды и кредитная линия
Карты: американ экспресс, виза и мастеркард
Операционное обслуживание
Бизнес - вклад
Бизнес чеки
Интернет - банкинг
Онлайн - банкинг
Инкассо обслуживание
Личный корпоративный банкир

Персональный банкинг

(обслуживание физических лиц)

Операционное обслуживание
Вклад
Карты: американ экспресс, виза и мастеркард
Чеки по путешествию Американ экспресс
Кредитные карты
Денежные переводы
Интернет - банкинг
(SMS) Банкинг
Автоматические переводы
Личный банкир

*მასსიათებლებიდან
ფასეულობებამდე!*

505 505

www.vtb.com.ge